

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦСАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И ИСТОРИЯ
КАФЕДРА «ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ».

На правах рукописи

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**Тема: Памятники буддийского искусства в Восточном
Туркестане**

Выполнил: студент выпускного курса направления образования
«История народов Центральной Азии»
Каюмов Маъмуржон

(подпись)

Научный руководитель: старший преподаватель Тилеуккулова Г.С.

(подпись)

Ташкент-2012

Содержание

Введение.....	3
Глава I.Истоки буддийской проблематики Восточного Туркестана в исторической науке.....	10
I.1.Буддизм и Восточный Туркестан в современно-научных и научно популярныхизданиях.....	10
I.2.История зарождения буддизма и его распространения в Восточном Туркестане.....	27
Глава II. Памятники буддийского искусства в Восточном Туркестане....	37
II.1. Экспедиции и их находки, буддийские памятники и их роль в культурной жизни Восточного Туркестана.....	37
II.2. Попытка освещения буддийской культуры и её роль для Центральной Азии в свете буддийских памятников Восточного Туркестана.....	45
Заключение.....	59
Список использованной литературы.....	63
Приложение.....	67

Введение.

Актуальность исследования. Для современной геополитической ситуации в мире характерно резко усилившиеся интеграционные процессы, бурно развивающиеся на глобальном и региональном уровнях, причем особый интерес вызывают регионы, находящиеся на пространственно-временных перекрестках взаимодействия различных культур. Одним из таких "перекрестков" является Центральная Азия, давшая миру интереснейшие культуры Средней Азии и Восточного Туркестана.

Достижения независимости, глубокие структурные преобразования, поставили перед исторической наукой новые задачи. Одна из наиболее важных задач для нашей молодой республики является вовлечение богатого культурного наследия в процесс строительства правового демократического государства, укрепление духовно нравственных устоев общества.

Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов отмечал: «Стало реально возможно обустроить республику, действительно исходя из её национальных интересов, на основе всемирного учета сложившегося уклада жизни, традиций, обычаяев и навыков народа, имеющегося огромного ресурсного потенциала»¹.

Сегодня отечественная историческая наука во многом избавилась от идеологических наслоений тоталитарного прошлого. Идет активный процесс познания своей истории, возрождения национальных традиций, восстановления исторической правды. Тем не менее, существует еще немало страниц, требующих глубокого научного переосмысления и концептуальной переоценки. Неоднократно о значении изучения исторического прошлого говорил Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов. В беседе с научной общественностью республики летом 1998 года, он подчеркнул, что для изучения научных основ исторического знания, объективного изучения истории узбекского народа, истории формирования и развития его

¹ Каримов И.А. Узбекистан: свой путь обновления и прогресса . Т: Узбекистан, 1992, стр. 7.

государственности, борьбы за национальную независимость, этнической истории, для формирования на новом качественном уровне научных знаний, для интеграции Узбекистана в мировое сообщество, для изучения истории цивилизации, исключительно велико значение подлинных исторических источников, без которых не может быть исторического исследования².

Неотъемлемой составной частью национального опыта структурных преобразований, претворения программы обновления и прогресса, выступает опыт переустройства городов Центральной Азии.³ Ведь они исторически, будучи экономическими, культурными и просветительскими центрами, занимают особое место в жизни общества. В них сосредоточен основной промышленный потенциал, базовые производственные фонды, ведущая часть научных кадров.

Взаимодействие самых различных факторов, от идеологии до материальной базы, привела к созданию в Центральной Азии архитектурных форм, наиболее универсальных, отличающихся высокой степенью конструктивности. Эти формы явились основой, объединившей различные религии, государственно-политические образования, виды зодчества, создавшей архитектурные традиции.

Степень изученности проблемы. К сожалению, изученность архитектуры Восточного Туркестана, не отвечает современным требованиям, очень часто интерпретировать материал можно только не выходя за рамки догадок и предположений⁴. Не разработана еще периодизация развития

² Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего / Свое будущее мы строим своими руками. Ташкент: Узбекистан, 1999. Т. 7. - с.128-132.

³ Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Т.,Узбекистан. 1997. - с.77

⁴ Литвинский Б. А. Исторические судьбы Восточного Туркестана Средней Азии (проблемы этнокультурной общности). Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связь. М., 1984.1. Пичитн .1Л.Р

здечства региона. Как правило, исследователи используют здесь или политический критерий завоевание восточно-туркестанских княжеств китайскими Танами и т. д., или же искусствоведческий анализ стилевых особенностей росписи, скульптуры и др⁵.

Если учитывать, что буддизм распространялся в Восточном Туркестане, главным образом, через территорию Средней Азии, то естественно предположить, что, во-первых, это движение сопровождалось и распространением архитектурных принципов, во-вторых, буддийская архитектура в Восточном Туркестане развивалась не на пустом месте, там, наверняка, уже были развиты формы зодчества, безусловно, изначально родственные среднеазиатским, в том числе и согдийским⁶. Поэтому представляется возможным при исследовании восточно-туркестанской культовой архитектуры использовать не только материалы буддийского зодчества в Средней Азии, но и храмов других вероисповедования, светской архитектуры⁷.

Источниковедческая база по истории Восточного Туркестана и Средней Азии достаточно обширна и многообразна, но еще недостаточно изучена, к комплексному охвату исторического материала современная наука только приступила⁸. Здесь можно отметить, пожалуй, только изданные в Москве два первых тома фундаментального труда "Восточный Туркестан в

⁵Кучера С. Ранняя история Синьцзяна, Неолит, начало века металла. Восточный Туркестан и Средняя Азия, История и культура, связи, М., 1984,-17640, Кызласов П, Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. ТКАЭЭ, т, II, 1955,

⁶Литвинский Б. А, Проблема этнической истории Средней Азии во II тыс. до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы). Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.

⁷Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточно-иранских народов в 1-й пол. I тыс. до н. э. История и культура народов Средней Азии. М., 1976.

⁸Литвинский Б, А. Изучение древней истории и культуры Восточного Туркестана в отечественной и зарубежной науке. ННА, № 1, 1982,-17750, Питвинский Б. А, Древняя этнокультурная общность Восточного Туркестана и Средней Азии. ННА, № 6, 1983,

древности и раннем средневековье" под редакцией С. П. Тихвинского и Б. А. Литвинского⁹. Следует отметить, что и история Средней Азии требует в некоторых случаях существенной коррекции и переосмысления¹⁰.

Из всего разнообразия материала в данной работе рассматриваются те аспекты, которые помогают отметить истоки формирования культурной общности народов Средней Азии и Восточного Туркестана, выявить общие принципы и специфику развития градостроительства, архитектуры этих регионов в раннем средневековье¹¹.

Письменные источники включают в себя рукописи и документы на индоевропейских (санскрит¹², тохарский, среднеперсидский¹³, согдийский¹⁴, бактрийский¹⁵ и др.), тюркских¹⁶ и китайских¹⁷ языках. Многое уже переведено, снабжено комментариями и опубликовано в работах ученых разных специальностей многих стран.

⁹Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под ред. С.Л. Тихвинского, Б.А. Литвинского. М., 1988. С. 28-43, 67-72.

¹⁰. Синицын В, М. Центральная Азия, М., 1959.

¹¹Литвинский Б. А, Древнее и раннесредневековое архитектурно-строительное дело в Восточном Туркестане (в свете археологических открытий в Средней Азии). Центральная Азия. М.(1987.

¹²Литвинский Б, А, Буддизм и среднесуисткая цивилизация, Индийская культура и буддизм. И., 1972.

¹³Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточно-иранских народов в 1-й пол. I тыс. до н. э. История и культура народов Средней Азии. М., 1976.

¹⁴Лившиц В. А., Храмов А, Л, Согдийский язык, Основы иранского языкознания. М,, 1981.

¹⁵Пугаченкова Г, А, Древняя Бактрия, Материалы советско-афганской экспедиции 1969-1973 гг, М,, 1976.

¹⁶Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964,

¹⁷Лай Мин Сымацзян, Бой Хуа ши цзи {Исторические записи Сына., в комментарии современности}. Тайбэй, 1980.-186161. Ли Сянлин. Да ТанСиоЙцзижаочжу (ОзанЦзан.Путешествие на Запад, Комментарии), Пекин, 1985

Цель работы состоит в изучении истории памятников буддизма в Восточном Туркестане. Проблема исследования архитектуры буддийских памятников Восточного Туркестана в широком историко-культурном аспекте, в связи со среднеазиатскими архитектурными принципами и методами их воплощения, представляется проблемой актуальной и своевременной¹⁸. По сути дела эта проблема комплексного изучения истории развития восточно-туркестанского зодчества, которая в полном объеме в данной работе, естественно: не может быть разрешена. Здесь затрагиваются лишь те цели и задачи, которые разрешимы на современном теоретическом, методологическом и фактографическом материале, и опираясь на опыт и умения бакалавра. К этим целям и задачам могут быть отнесены следующие:

- выявить основные факторы, определившие историко-культурную общность развития народов Средней Азии и Восточного Туркестана, на основе сопоставления буддийских памятников;
- обобщить и охарактеризовать основные тенденции развития буддийской храмовой восточно-туркестанской архитектуры на материале таких раннесредневековых центров культуры, как Турфан, Карапар, Куча, Кашгар, Хотан;
- показать общий, центрально-азиатский характер основополагающих принципов архитектуры Восточного Туркестана;
- проследить особенности архитектурно-строительных приемов и методов в зодчестве Средней Азии и Восточного Туркестана.

В работе историко-культурная общность развития рассматривается в этнографическом, государственно-политическом, торгово-экономическом, религиозном и эстетическом аспектах, которые воссоздают культурные условия развития архитектуры этих смежных регионов в период раннего

¹⁸Литвинский Б. А, Древнее и раннесредневековое архитектурно-строительное дело в Восточном Туркестане (в свете археологических открытий в Средней Азии). Центральная Азия. М.(1987.

средневековья. И уже на этой основе разрешаются более конкретные задачи работы с привлечением письменных источников, материалов экспедиций, специальных отечественных и зарубежных научных публикаций.

Научная новизна работы. На наш взгляд, определяется, во-первых, ее целями и задачами. Свидетельства письменных источников, архитектурные материалы экспедиции по Восточному Туркестану носят в основном фрагментарный характер, рассматриваются подчас с узко специальной точки зрения, или же в русле сложившихся стереотипов. Поэтому попытка обобщения научных данных с привлечением материалов из арсенала истории архитектуры Средней Азии позволяет разрешить некоторые конкретные задачи, пересмотреть устаревшие воззрения на пути развития восточно-туркестанской архитектуры.

Во-вторых, методология изучения конкретных явлений в более широком научном, пространственно-временном диапазонах, явление пока что довольно редкое и в известной степени проблематичное.

Практическая значимость заключается в том, что материалы данной работы могут быть использованы при написании учебников и учебных пособий по истории стран Центральной Азии.

Сама идея подобного рассмотрения исторических явлений восточно-туркестанской и среднеазиатской культур не нова. Она была высказана еще В. В. Григорьевым¹⁹. Б. В. Бартольд поддерживал характер взаимозависимости этих двух культур, писал: "В обеих частях Туркестана жили народы одного и того же происхождения и действовали одни и те же культурные факторы"²⁰. На разносторонние связи народов Средней Азии и Восточного Туркестана и на необходимость их комплексного изучения указывал А. Н. Бернштам.

¹⁹Григорьев В. В., Дополнение. Карл Риттер. Землевладение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан, СПб, 1873,

²⁰Barthold W. Der iranische Buddhismus und sein Verhältnis zum Islam // Oriental Studies in Honour of C.E. Payry. L., 1933. P. 29 (= Бартольд В. В. Сочинения. Т. VII. М., 1971. С. 469).

И только в последнее время появились в отечественной науке труды, осуществляющие комплексный подход к проблемам исторического развития восточно-туркестанской и среднеазиатской культур (1984²¹; 1986²²; 1988²³; 1992²⁴), что дает возможность более обоснованного использования комплексного начала в изучении различных явлений культуры, в том числе и архитектуры.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, четырех параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Глава I.Истоки буддийской проблематики Восточного Туркестана в исторической науке.

²¹Литвинский Б. А. Исторические судьбы Восточного Туркестана Средней Азии (проблемы этнокультурной общности). Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связь. М., 1984.1. Пичитн .1Л.Р

²²Литвинский Б. А. Пещерная культовая архитектура в Восточном Туркестане,- Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культуры древнего и средневекового Востока. М., 1986,

²³Кляшторный С. Г., Колесников А. А. Восточный Туркестан русских путешественников (П-я пол, XIXв.). Алма-Ата, 1988

²⁴Litvinsky B.A. Central Asia [History of the Buddhism] // Encyclopaedia of Buddhism / Ed. J. Dhirasekera. V. IV. Fasc. 1. SriLanka, 1979. P. 26; Литвинский Б.А. Буддизм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религия / Под ред. Б.А. Литвинского. М., 1992. С. 442-443 (со ссылками на источники и литературу).

I.1. Буддизм и Восточный Туркестан в современно-научных и научно популярных изданиях.

Для современной геополитической ситуации в мире характерно резко усилившиеся интеграционные процессы, бурно развивающиеся на глобальном и региональном уровнях., причем особый интерес вызывают регионы, находящиеся на пространственно-временных перекрестках взаимодействия различных культур. Одним из таких "перекрестков" является Центральная Азия, давшая миру интереснейшие культуры Средней Азии и Восточного Туркестана.

Синьцзян-Уйгурский автономный район - регион на северо-западе Китая. Самая большая по площади территориально-административная единица КНР. Исторический топоним — Восточный Туркестан. Столица и крупнейший город — Урумчи.

Граничит на западе с Таджикистаном, Киргизией и Казахстаном, на севере — с Россией, на северо-востоке — с Монгoliей, на востоке — с провинциями Ганьсу и Цинхай, на юге с Тибетским автономным районом, на юго-западе с Афганистаном, Пакистаном и Индией (спорные территории штата Джамму и Кашмир).

Население 19,5 млн человек (2004), главным образом уйгуры, а также казахи, киргизы, таджики, монголы, дунгане (хуэй), китайцы (хань), сибо, маньчжуры, дауры и др. национальности (с 1950-х гг. удельный вес китайцев постоянно увеличивается). Население сосредоточено преимущественно в оазисах Кашгарии и в долинах рек Джунгарии.

Большую часть территории района занимают Джунгарская равнина (на севере), сложенная суглинками и песками (в центре), с островными горными кряжами и мелкосопочником, и Кашгарская равнина (Таримская впадина), центральная часть которой занята песчаной пустыней Такла-Макан..

До проникновения извне других религий древние местные жители Восточного Туркестана исповедовали первобытную местную религию, которая затем развила в шаманизм. Некоторые национальные меньшинства в Синьцзяне по сей день в разной степени исповедуют первобытную религию и шаманство и связанные с ними обычаи.

Приблизительно в I веке до нашей эры зародившийся в Индии буддизм проник в Восточный Туркестан через Кашмир. Вскоре при всемерном насаждении господствующими правителями буддизма в различных районах он стал главной религией в регионе. В период расцвета буддизма в оазисах вокруг Таримской впадины было возведено множество буддийских храмов и монастырей, сложилось множество общин монахов и монахинь, возникли такие знаменитые буддийские центры, как Юйтянь, Шулэ, Цюцы и Гаочан. В Восточном Туркестане буддизм достиг своих высот в скульптуре, живописи, музыке, танцах, в зодчестве монастырей и традициях каменных пещер, он оставил богатое и ценное культурное наследие, обогатив китайскую и мировую сокровищницу культуры и искусства.

Приблизительно в V веке процветавший во внутренних районах даосизм был принесен ханьцами в Синьцзян. Но распространялся он не широко, в основном в Турфане и Хами, где компактно проживали ханьцы. И лишь после завоевания Восточного Туркестана империей Цин он распространился во всех его районах.

Приблизительно в VI веке из Персии через Среднюю Азию в Восточный Туркестан проникло манихейство. В середине IX века уйгуры, государственной верой которых было манихейство, после переселения в Восточный Туркестан способствовали развитию этой веры там. Исповедующие манихейство уйгуры построили в Турфандском районе множество монастырей, пробили каменные пещеры, перевели каноны, обогатили искусство фресками, распространяя таким образом доктрины и культуру манихейства. До и после проникновения манихейства в Восточном Туркестане появилось несторианство (раннее течение в христианстве), но оно

не смогло распространиться широко и процветало в династии Юань (1206—1368 гг.) лишь по той причине, что множество уйгуров приняли эту веру.

В конце IX века и начале X века в южные районы Восточного Туркестана из Средней Азии проник ислам. В середине X века Караканская династия развязала против княжества Юйтянь религиозную войну — войну ислама с буддизмом, продолжавшуюся более 40 лет. В начале XI века после распада княжества Юйтянь, ислам распространился по всему Хотанскому району. В середине XIV века Чагадайское ханство (вассал, основанный вторым сыном монгольского хана Чингисхана в западном регионе) стало насилием насаждаться ислам, который стал главной религией монголов, уйгуров, казахов, киргизов и таджиков Чагадайского ханства. В итоге в начале XVI века ислам пришел на смену буддизму и стал главной религией в Восточном Туркестане.

После того как ислам стал главной религией уйгуров и других национальностей, в Восточном Туркестане постепенно исчезали зороастризм, манихейство и несторианство, которые раньше исповедовали эти национальности, но по-прежнему существовали буддизм и даосизм. Более того, начиная с империи Мин большое развитие получил тибетский буддизм, ставший вместе с исламом главной религией в Восточном Туркестане. В конце XVII века вождь исламской секты «байшань» Апак ходжа силами буддистов уничтожил своих политических врагов — Каракоджа, в результате рухнуло Ярканское ханство (местная власть с центром в нынешнем Шачэне, установленная потомками монгольского хана Чагадая в 1514—1680 г.). Это свидетельствовало о том, что тибетский буддизм в то время имел большое влияние. Примерно с XVIII века в Синьцзян пришло католичество, сравнительно большое развитие имели буддизм, даосизм и шаманство. На севере и юге Тяньшаня появилось множество монастырей и храмов этих религий, некоторые мусульмане даже перешли в католичество и лоно других религий.

Исторически религии в Синьцзяне непрерывно эволюционировали, однако после того как в Синьцзян извне проникли различные религии, там всегда сохранялось сосуществование многих религий. Сегодня в Синьцзяне главными религиями являются ислам, буддизм (включая тибетский буддизм), христианство (католичество) и даосизм. Среди некоторых национальностей по-прежнему сравнительно большое влияние имеет шаманство.

Необходимо отметить, что термин ""Восточный Туркестан был введен в научный обиход выдающимися русскими востоковедами Н.Я.Бичуриным и В.В.Григорьевым²⁵. В современной исторической науке этот топоним получил широкое распространение, в том числе и в западноевропейской – Ostturkestan. Наряду с ним встречается такое определение, как Serindia (Stein, 1921), причем это определение распространяется на пространство между танским Китаем и Транссаксонией.

В древности в китайской литературе Центральная Азия называлась Си Юй Л "Западные пределы" или "Западные окраины". И в понятие Си Юй входили все страны, расположенные к западу от Дуньхуаня, т. е. Средний восток, Малая Азия, Индия, вплоть до Присредиземноморья и Северной Африки, Но, как,, правило, когда речь идет о Си Юй, то подразумевается территория вокруг Тяньшаня и Памира, в частности, Восточный Туркестан.

В современных китайских работах этот регион определяется термином "Синьцзян" - "Новая граница" или "Новые пределы". Этот топоним носит искусственный характер, он возник только в середине XVIII века, после присоединения исследуемой территории к Китаю, и его использование, особенно в работах по истории раннего средневековья, представляется по меньшей мере не корректным.

²⁵Григорьев В, В, Дополнение. Карл Риттер. Землевладение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан, СПб, 1873,

В данной работе термин "Восточный Туркестан" определяет территорию современного Синьцзяно - Уйгурского автономного района (СУАР).

Для воссоздания истории региона, особенно интерпретации его архитектурных памятников, важно ознакомление прежде всего с его природными условиями. География, климат и другие природные особенности Восточного Туркестана достаточно подробно описаны многочисленными экспедициями, начиная от Н. М. Пржевальского (Пржевальский, 1948). Детальные сведения содержатся в работах В. М. Синицына (Синицин, 1959), Э. М. Мурзаева (Мурзаев, 1966), М. П. Петрова (Петров, 1967), П. К. Козлова (Козлов, 1963) и других.

Общая географическая картина региона, воссоздается в образном китайском выражении "саньшань лян инь" "две впадины, сдавленные тремя хребтами", Две, разделенные хребтом впадины" Таримская к Джунгарская, окружены с севера горами Монгольского Алтая, с запада - Джунгарии и системой Тяньшаня, с юга гКуньлунем. Широкий горный проход Джунгарских ворот и долины Черного Иртыша соединяют Джунгарскую долину с равнинами Казахстана.

Так или иначе, наличие различных климатических зон позволяло уже в древности развить здесь земледелие, скотоводство, создать крупные поселения. Анализ различных факторов, определяющих характер развития материальной культуры этого региона, позволил Б. А. Литвинскому констатировать, что "социально-экономические модели развития Средней Азии и Восточного Туркестана на всем протяжении древности и средних веков были одинаковы"²⁶.

Начало формирования этнической общности, определившей облик населения Средней Азии и Восточного Туркестана, относят ко II тыс. до н.

²⁶Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Некоторые аспекты семантики и иерархии ступа в Средней Азии // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982 (с литературой вопроса).

э.²⁷. В этот период здесь расселялись протохары, которых относят к индоевропейцам. Несколько позже регионы стали ареной распределения ираноиндийской волны.

К началу I тыс. до н.э. иранские племена занимали южную и западную части бассейна реки Тарим, тохары - северную. Эти две этнические группы и составляли основной массив населения Восточного Туркестана и Средней Азии, просуществовавшей до середины I тысячелетия н.э., когда получили развитие процессы тюркизации регионов, выраженные в большей мере в Восточном Туркестане. С юга же переселились такие племена, как усуни, юэчжи и другие, способствующие укреплению этнической общности этих смежных центральноазиатских областей (Крюков, 1988, с, 226240). В раннем средневековье индоевропейский массив населения усиливается за счет миграции из Индии и Средней Азии, особенно согдийцев. Китайцы в древности и средневековье практически не оказывали влияния на формирование населения в Восточном Туркестане.

Немногочисленные археологические материалы эпохи бронзы позволяют все же судить о культурной общности народов, населяющих Среднюю Азию и Восточный Туркестан. В последнее время появляются работы, уточняющие особенности развития этих культур. В древности и раннем средневековье этнокультурная общность развивается за счет таких факторов, как культурные центры по маршрутам торговых путей, активное участие иммигрантов в сфере торговли, ремесел, искусства и других, идеология, вхождение регионов в состав одних и тех же государственных образований, таких как Кушанская империя, Тюркский каганат.

По Шелковому пути распространялись и религиозные идеи, а миссионеры разносили свою веру в заморские страны. Из Индии через Среднюю Азию и Восточный Туркестан в Китай пришел буддизм, из Сирии, Ирана и Аравии - христианство, а затем ислам.

²⁷Pulleyblank, 1966, p.35-36; Гамкрелидзе, Иванов, 1981, с.23-26

По мнению исследователей, проникновение буддизма из Индии в Китай шло через Среднюю Азию и Казахстан. Начался этот процесс с середины I в. до н. э. В распространении буддизма в Восточном Туркестане и Китае важная роль принадлежала среднеазиатским богословам и миссионерам, в особенности согдийцам, парфянам, кангюйцам. Распространение буддизма, особенно активное во II-III вв. н. э., видимо, было связано с политическими целями Кушанского государства на Востоке.

В раннем средневековье роль основных миссионеров буддизма взяли на себя согдийцы. Именно они сыграли важную роль в распространении буддизма в Центральной Азии. Анализ терминов из тюркских буддийских текстов Восточного Туркестана свидетельствует о том, что они были заимствованы при посредничестве согдийцев. Буддийские памятники обнаружены в ряде городов на трассе Великого шелкового пути.

Тюрки с VI в. испытывали сильное влияние буддизма. Сюань-Цзян пишет о благожелательном отношении к буддизму кагана западных тюрков. По мнению исследователей, в первой половине VII в. некоторые правители западных тюрков стали буддистами или покровительствовали буддизму. Это было связано с переходом их к оседлости и городской жизни.

На юге Казахстана и в Семиречье буддизм имел достаточно широкое распространение. Об этом говорят в первую очередь находки буддийских сооружений. Памятники буддизма открыты на городищах Чуйской долины Ак-Бешиме, Красной речке, Новопокровском, Новопавловском: храмы, монастыри, часовни, а также находки статуэток и стелл с буддийскими персонажами и сценами.

Достаточно широко среди случайных находок представлен индийский импорт: бронзовые и серебряные с позолотой и инкрустацией драгоценными камнями статуэтки будды и буддистов, бронзовые бляшки и пластины, каменные рельефы в виде мелких поделок и стелы с сюжетами буддийской иконографии, составлявшие некогда иконостасы и реликвии буддийских храмов и монастырей.

К числу последних открытий археологов относится подземный монастырь, обнаруженный неподалеку от развалин известного средневекового города Исфиджаба (Сайрама).

Дореволюционная отечественная наука много и успешно занималась изучением буддизма и буддийской культуры. Уже в конце XIX — начале XX в. благодаря исследованиям таких корифеев, как В.П. Васильев, И.П. Минаев, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской, О.О. Розенберг и других русских ученых, буддология занимает самые передовые позиции в мировой науке.²⁸ Большое внимание уделялось изучению связанных с буддизмом археологических памятников Восточного Туркестана. Блестящие открытия были сделаны русскими экспедициями, в том числе первой специально археологической экспедицией Д.А. Клеменца и двумя экспедициями С.Ф. Ольденбурга. Наряду с памятниками архитектуры и искусства русские специалисты — путешественники, дипломаты — обнаружили множество памятников письменности; некоторые из них были изданы.²⁹

Однако памятники буддизма Средней Азии тогда не были известны. В отличие от восточнотуркестанских абсолютное большинство их не находилось на поверхности, и для их открытия требовалось проведение планомерных археологических раскопок, которых тогда в Средней Азии еще не велось. Можно лишь упомянуть совершенную в 1908 г. индологом А.А. Сталь-Гольштейном длительную археологическую поездку в Среднюю Азию и его же статью о путешествии Сюань-цзана в сопоставлении с археологическими данными. Он пытался выявить в Термезе остатки

²⁸ См. Bongard-Levin G.M., Vigasin A.A. Image of India. The Study of Ancient Indian Civilisation in the USSR. M., 1984.

²⁹ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под ред. С.Л. Тихвинского, Б.А. Литвинского. М., 1988. С. 28-43, 67-72.

буддийских памятников. Безуспешной оказалась и археологическая поездка в Термез в 1911 г. А.А. Захарова.³⁰

Эта ситуация практически не менялась до конца 20-х годов. Именно тогда великий ориенталист В.В. Бартольд (1869-1930), опираясь на своеенпревзойденное знание письменных источников, заключил: «Кроме зороастриского Ирана существовал еще буддийский Иран, имевший отнюдь не маловажное значение для позднейшей культурной истории иранского мира». Он также писал о том, что буддизм «к югу и к северу от Окса» в эпоху арабского завоевания «находился в полном расцвете». В.В. Бартольд сформулировал немало и других соображений об истории и роли буддизма в Средней Азии.³¹ Эти заключения оказались воистину пророческими. С тех пор, как они были высказаны, прошло свыше 70 лет. Археологические раскопки открыли на территории Средней Азии целую серию буддийских памятников. Наука получила обширные материалы по истории буддизма и буддийской культуры в Средней Азии, в том числе по буддийской архитектуре, искусству, и неизвестные ранее местные письменные источники — эпиграфические и рукописные. Появились данные о соотношении буддизма и других религий. Важные сведения можно извлечь из лингвистических штудий. Несравненно детальнее и полнее, чем раньше, изучены буддизм и буддийская культура на соседних территориях, особенно в Индии, Афганистане, Восточном Туркестане, что позволяет рассматривать среднеазиатский буддизм и его культуру в широком историческом контексте. И, наконец, доисламская история, небуддийская и раннеисламская культура народов Средней Азии и близких регионов теперь глубоко исследованы.

³⁰Сталь-фон-Гольштейн А. Сюань-цзан и результаты современных археологических исследований // ЗВОРАО. Т. XX. Вып. 1. 1911; Массон М.Е. Городища Старого Термеза и их изучение // Тр. Узбекистанского филиала АН СССР. Сер. I. История, археология. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Ташкент, 1940. С. 23.

³¹Barthold W. Der iranische Buddhismus und sein Verhältnis zum Islam // Oriental Studies in Honour of C.E. Payagu. L., 1933. P. 29 (= Бартольд В.В. Сочинения. Т. VII. М., 1971. С. 469).

Все это открыло совершенно новые возможности и перспективы для изучения буддизма в Средней Азии. Этой проблеме, посвящена рассматриваемая книга Б.Я. Стависского «Судьбы буддизма в Средней Азии» (М., 1998). Автор книги почти три десятилетия руководит экспедицией, раскапывающей один из ключевых памятников среднеазиатского буддизма. Он издал серию сборников и отдельных статей и заметок, посвященных этим раскопкам,³² однако ни полной публикации раскопок, ни монографического исследования их результатов до сих пор нет (единственное исключение — превосходная монография В.В. Вертоградовой, посвященная каратепинской эпиграфике³³). Ряд статей Б.Я. Стависский посвятил общим вопросам истории буддизма в Средней Азии.³⁴ Все эти работы объединяет одна черта: они являются обзорными и в очень незначительной степени исследовательскими. В полной мере это проявилось, увы, и в рассматриваемой книге Б.Я. Стависского. Я целиком согласен со всеми замечаниями Г.А. Кошеленко, который в своей в высшей степени эрудированной рецензии убедительно показал, сколь неудачной оказалась попытка Б.Я. Стависского создать очерк истории буддизма в Средней Азии. На мой взгляд, это является следствием, прежде всего, непонимания значения письменных источников и лингвистических данных и ошибочных представлений о соотношении этих источников с археологическими материалами. Может создаться даже впечатление, что Б.Я. Стависский вообще попросту отвергает и не использует неархеологические источники и посвященную им исследовательскую

³² См. Борис Яковлевич Стависский. Библиографический указатель. М., 1997 (Российский государственный гуманитарный университет).

³³ Вертоградова В.В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе. Проблемы десифровки и интерпретации. М., 1995.

³⁴ Например: Ставиский Б.Я. Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии // Доклады по этнографии. Географическое общество СССР. Отд. этнографии. Вып. I (4). Л., 1965 и другие его статьи (полный перечень см. в указателе его трудов, см. прим. 5).

литературу, как и результаты исследований истории, культуры, археологии и истории искусства Индии и примыкающих к Средней Азии соседних областей. Наивное убеждение, что лишь уже выявленные памятники буддизма характеризуют его хронологические и территориальные рамки, является лейтмотивом всей книги. Так, не приведя и не разобрав текст цейлонской хроники «Mahāvama», не использовав классические труды С. Леви, В.В. Гейгера и др., исследования по истории буддизма в Шри-Ланке (В. Рахула и др.), а также многие другие работы, Б.Я. Ставиский категорически отрицает мнения Г.А. Кошленко и Б.А. Литвинского³⁵ о раннем распространении буддизма в Маргиане. При этом не учитываются сообщения китайских источников о таких парфянских проповедниках в Китае, как Ань Ши-гао и его ученик Ань Сюань (II в. н.э.),³⁶ полностью игнорируются лингвистические факты манихейско-парфянского и вместе с тем безоговорочно принимается ошибочная, как показал Г.А. Кошленко, датировка времени возведения буддийского комплекса на Гяур-кале IV в. н.э., который на самом деле возник, очевидно, значительно раньше. На огромной территории городищ самого Древнего Мерва и всего Мервского базиса, площадь которых вскрыта в ничтожной мере, пока выявлено лишь два буддийских комплекса. Но сколько их на самом деле возникло в древности и в какое время они существовали — нам знать пока не надо. Поэтому и в данном случае явно справедливо выражение «отсутствие не есть аргумент». А Б.Я. Ставиский в своих работах (например, в рассматриваемой работе — с. 154, 194) именно «отсутствие» (и только это) считает

³⁵ Koshelenko G. The Beginning of Buddhism in Margiana // AA. 1966. V. XIV. Fasc. 1-2; Литвинский Б.А. Махадева и Дуттхаганани (О начале буддизма в Парфии) // ВДИ. 1967. № 3.

³⁶ Litvinsky B.A. Central Asia [History of the Buddhism] // Encyclopaedia of Buddhism / Ed. J. Dhirasekera. V. IV. Fasc. 1. Sri Lanka, 1979. P. 26; Литвинский Б.А. Буддизм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религия / Под ред. Б.А. Литвинского. М., 1992. С. 442-443 (ссылками на источники и литературу).

достаточным аргументом для важных заключений о судьбах буддизма в Средней Азии.

Три четверти книги автор отвел каталогу буддийских памятников Средней Азии. Это своего рода хрестоматия, составленная почти исключительно в виде цитат из публикаций разных авторов и изложения их материалов и мнений. Как всякая хрестоматия она, несмотря на пропуски и неточности, полезна, особенно для неспециалистов. Что же касается разделов, где автор формулирует собственные взгляды, в них Б.Я. Ставиский пытается изложить судьбы буддизма в Средней Азии, основываясь лишь на археологических данных. Автор, по-видимому, не отдает себе отчета, что в такого рода исследовании не только должен быть использован обширный комплекс источников и что среднеазиатский буддизм — интегральная часть буддийского мира и его культуры. Поражают и другие взгляды Б.Я. Стависского, нашедшие отражение в главе «Судьбы буддизма в среднеазиатских областях I тысячелетия н.э. (в свете археологических данных)» и в четырех экскурсах. Говоря о ступах Средней Азии, он утверждает, что сейчас трудно сказать, «насколько их эволюция отражает закономерности развития этих культовых построек в обширном буддийском мире» (с. 169). Не побоюсь утверждать, что на самом деле наука располагает достаточными материалами, чтобы «сказать» это и о ступах, и о храмах, и о монастырях!

Книга практически не содержит сведений о школах и направлениях среднеазиатского буддизма, о жизни буддийских монастырей, о соотношении буддийской и небуддийской культуры и о месте и роли буддизма в домусульманской Средней Азии, о влиянии буддизма на ислам и мусульманскую культуру в Восточном Иране и Средней Азии, о роли Средней Азии в распространении буддизма в Китае и многое другое. За пределами книги остались важнейшие проблемы истории, культуры и даже археологии среднеазиатского буддизма. О каких же «судьбах буддизма в Средней Азии» может идти речь? Они в этой книге не только не

исследованы, но даже не намечены и не обозначены важнейшие направления исследований.

Три десятилетия тому назад я попытался это сделать в книге «Outline History of Buddhism in Central Asia»,³⁷ но сейчас стали доступными источники, и количество археологических материалов выросло многократно, что открыло новые возможности для исследования. Остановлюсь вкратце на некоторых проблемах истории среднеазиатского буддизма.

История распространения буддизма в Средней Азии и роль этого региона в продвижении этой религии в Китай весьма тесно связаны. Рассмотрение этой проблемы начинать прежде всего необходимо с миссий, отправленных Ашокой (середина III в. до н.э.) в Арахозию и Гандхару,³⁸ и материалов о ранних этапах буддизма в Афганистане. По-видимому, буддийская миссионерская деятельность развертывалась в северном направлении, в сторону Бактрии, и в северо-западном — к границам Парфии.

Центральная Азия, в том числе Бактрия и Парфия, послужили плацдармом для проповеди буддизма в Китае. Выходцы из Средней Азии внесли весомый вклад в распространение буддизма в Китае. В первое поколение переводчиков входили двое парфян — упомянутые выше Ань Шигао и его ученик Ань Сюань, трое юэчжей — ЧжиЛауця-чань, ЧжиЛяо и ЧжиЛян, двое согдийцев — Кан Мэнсян и Кан Цзююай (последний, собственно, скорее кангуец). Ань Шигао был первым историческим апостолом центральноазиатского и китайского буддизма. Именно он начал систематический перевод на китайский язык буддийских текстов,

³⁷ Litvinsky B.A. Outline History of Buddhism in Central Asia. Dushanbe, 1968 (индийское издание — 1970, издание в Шри-Ланке — 1979; афганское издание на французском — 1974-1975; Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепе. Архитектура. Живопись. Скульптура, М, 1971. С. 110-137, 150-160). Перечень других работ Б.А. Литвинского по среднеазиатскому и восточнотуркестанскому буддизму см. Борис Анатольевич Литвинский. Изд. 2-е. Душанбе, 1996.

³⁸ Thapar R. Asoka and the Decline of the Mauryas. Oxf., 1961. P. 41-49; Бонгард-Левин Г.М. Индия эпохи Маурьев. М., 1971 С. 260-267.

организовал переводческую группу. Согласно разным источникам, ему приписывается от 34 до 176 сочинений и переводов.³⁹

Переводчики второго поколения, работавшие во второй половине II — III в., также перевели на китайский значительное число буддийских сочинений.

По одному из подсчетов, вплоть до падения династии Западная Цзинь (т.е. до 316 г.) среди переводчиков буддийских сочинений на китайский язык было шесть или семь китайцев, шесть лиц индийского и шестнадцать — центральноазиатского происхождения [190] (шесть юэчжей, четыре парфянина, три согдийца, два тохара из Кучи и один хотанец).⁴⁰ Они перевели на китайский язык многие основополагающие буддийские сочинения, заложив основы китайского буддизма.

Видный исследователь китайского буддизма Э. Цюрхерпришел к заключению, что первоначально буддизм в Китае носил характер «гибридного культа» и распространения и концентрировался в придворных кругах. Но тогда же возник и китайский монастырский буддизм — не гибридный, а пересаженный на китайскую почву. Он, как полагает Э. Цюрхер, возник в среде монахов-переводчиков и их китайских помощников, а также мирян-буддистов. Это произошло около середины II в. до н.э. Вместе с тем, он доказывает, что вопреки ранее высказывавшимся, в том числе им самим, утверждениям, в Восточном Туркестане с I — начале III в. н.э.

³⁹Nanjo B.A. Catalogue of the Chinese Translations of the Buddhist Tripitaka. Oxf., 1883. P. 381-383; Bagchi P. Le canon bouddhique en Chine. Les traducteurs et les traductions. T. I. P., 1927. P. 11-39; Waley A. Notes en Chinese alchemy // BSOAS. 1930. V. 6/1. P. 23; Zurcher E. The Buddhist Conquest of China. The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China. V. I. Text. Leiden, 1959 (SinicaLeidensia, V. 10). P. 32-34; Shich R. Biographies des moines eminentes (Kao sengtchouan) de Houei-Kiao. Pt 1. Louvain (Leuven), 1968 (Bibliotheque de Museon. T. 54). P. 4; Хуэй-цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гаосэнчжуань) / Пер. М.Е. Ермакова. Т. I. Раздел 1.М., 1991. С. 102-110; Литвинский. Буддизм. С. 442.

⁴⁰Brough H. Comments on Third Century Shanshan and History of Buddhism // BSOAS. 1965. V. 28/3. P. 587.

буддизм не распространялся, край был «буддийским вакуумом». Однако и Цюрхер думает, что Восточный Туркестан в это раннее время был «нейтральной зоной транзита буддизма в Китай», т.е. даже в случае принятия его гипотезы,⁴¹ Восточный Туркестан остается регионом, через который осуществляли «транзит» буддизма в Китай. Это распространение происходило из Средней Азии (это задокументировано, кроме письменных источников, и археологическими материалами),⁴² а также (в южные оазисы Восточного Туркестана) непосредственно из самой Индии.⁴³ Наличие двух направлений распространения буддизма в Восточном Туркестане преподносится Б.Я. Стависким в его книге (с. 159, 166-167) как нечто новое, почти как открытие. Эта идея посетила автора сравнительно недавно, и уже после выхода рецензируемой книги он даже посвятил ей специальную заметку.⁴⁴ Отрицать полностью этот очевидный факт Б.Я. Ставиский не решается, но акцентирует внимание на том, что буддизм распространился в Восточном Туркестане прямо из Индии, через каракорумские перевалы. Однако о том, что буддизм в южные оазисы Восточного Туркестана, в частности в Хотан, проник прямо из Индии, знал уже в VII в. Сюань-цзан, и также писали многочисленные современные западные исследователи. Но и на русском языке Б.Я. Ставиский мог бы прочитать в работе такого знатока

⁴¹ Zurcher E. Han Buddhism and the Western Region // Thought and Law in Chin and Han China. Studies Presented to A. Hulsewe on the Occasion at the Eightieth Birthday / Ed. L. Idema, E. Zürcher. Leiden, 1990 (Sinica Leidensia. V. 24). P. 159-182; *idem*. Bouddhisme et Christianisme en Chine, deux types de diffusion // Bouddhisme, Christianisme et societe chinoise. P.. 1990. P. 1-42, Не отвергая полностью гипотезу Э. Цюрхера, я подверг некоторые ее положения критическому разбору: Литвинский Б.А. Буддизм и буддийская культура Центральной Азии (древность) // Московское востоковедение. Очерки, исследования, разработки. М, 1997. С. 57-59.

⁴² Литвинский. Буддизм и буддийская культура... С. 60-62.

⁴³ Litvinsky B. Die Geschichte des Buddhismus in Ostturkestan. Wiesbaden, 1999. С 37-39.

⁴⁴ Ставиский Б.А. Была ли Средняя Азия ретранслятором буддизма? // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина 1995-1999 годов. СПб.. 2000. Тез.докл. С. 18-19.

буддизма, как М.И. Воробьева-Десятовская, следующие строки: «...буддизм начал проникать в Центральную Азию около I в. н.э. двумя путями из Северо-Западной Индии и Кашмира, а также из Бактрии».⁴⁵

Что же касается буддийских изображений и разноязычных надписей, открытых пакистанскими и западными учеными на каракорумском пути, то они уже задолго до Б.Я. Стависского привлекались при рассмотрении путей продвижения буддизма из Индии в Восточный Туркестан и далее в Китай. Это делали как западные ученые, в частности К. Йеттмар, Г. Фауссман, Д. Кёниг, так и автор этих строк.⁴⁶ Может быть, Б.Я. Стависскому здесь следовало хотя бы упомянуть своих предшественников?

В книге «OutlineofHistoryofBuddhisminCentralAsia» (с. 15-17) я, основываясь на работах лингвистов, прежде всего В.Б. Хеннинга и Я.П. Асмуссена,⁴⁷ попытался использовать лингвистические материалы, извлеченные из манихейских текстов, для обоснования ранних знакомств и контактов парфяноязычных манихеев с буддистами и их сочинениями на пракрите и санскрите. Позже, в 1992 г., я вновь попытался прокомментировать некоторые из этих материалов, но и этот комментарий носил предварительный характер. Так, например, было приведено, но не проанализировано замечание В.Б. Хеннинга о том, что согдийцы или, по крайней мере, часть их, были буддистами еще до того, как манихейские

⁴⁵ Воробьева-Десятовская М.И. Индийцы // Восточный Туркестан в древности. М. 1992. С. 106.

⁴⁶ Литвинский Б.А. Индийский фактор в цивилизации Центральной Азии // Азия — диалог цивилизаций, СПб., 1996. С. 166-168 (с библиографией вопроса). Сейчас опубликованы новые материалы и исследования относительно этих надписей и петроглифов, в частности: Remann M., Konig D. Die Felsstation Oshibat. Mainz, 1996 (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. V. I); Fussman G., Konig D. a.o. Die Felsbildstation Shatiai. Mainz, 1997 (Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. V. II).

⁴⁷ Herming W.B. Two Manichaean Magical Texts // BSOAS. 1947. V. XII/1.P. 48-50; idem. Waručān-śāh // The Journal of the Greater India Society. Calcutta, 1944.V. XI/2.P. 87-90; Asmussen J.P. X^{II}astvānīft. Studies in Manicheism, Copenhagen, 1965 (Studiatheologica Danica. V. 7).P. 11, 136.

проповедники появились среди них.⁴⁸ Были опубликованы некоторые добавления к нарисованной ранее картине, однако, лишь в рамках истории восточного манихейства. В плане же изучения центральноазиатского буддизма благодаря недавним публикациям манихейских текстов и исследованиям лингвистов открылись новые возможности и горизонты. О них немало писали в плане буддийско-манихейского синтеза в Центральной Азии в целом, но было бы желательно вновь проанализировать эти материалы применительно к среднеазиатскому буддизму и его искусству. Дело в том, что исследованиями китайских, японских и западных ученых сейчас установлено, что ряд культовых сооружений Восточного Туркестана, в частности пещерных, — на самом деле не буддийские, как ранее было принято считать, а манихейские, а в их настенных росписях отразилась не буддийская, а манихейская символика. Особо следует отметить, что в Средней Азии, в частности в Тохаристане, где обнаружен ряд буддийских памятников (Аджина-тепе, Калаи-Кафирниган и др.) и по сообщениям Сюань-цзана и Хой-Чао были в VII—VIII вв. многочисленные буддийские монастыри, существовала также сильная манихейская община, и контакты между приверженцами двух религий должны были быть постоянными и тесными. Среднеазиатские настенные росписи с этих позиций еще не проанализированы. Помимо манихейства, среднеазиатские народы исповедовали зороастризм, христианство и другие религии.⁴⁹ Все они взаимодействовали друг с другом и с буддизмом — это детально изучено многими исследователями, в частности В. Зундерманом и Г. Климкайтом, и, конечно, должно учитываться при обсуждении реальных судеб буддизма в Средней Азии.

⁴⁸ Henning W.B. Neue Materialien zur Geschichte des Manichäismus // ZDMG. 1936. 90/1.S. 5. См. Litvinsky. Outline History... P. 83. Not. 67.

⁴⁹ Litvinsky B. A. Christianity, Indian and Local Religions // History of Civilizations. V. III, P. 421-431

I.2. История зарождения буддизма и его распространения в Восточном Туркестане.

Несмотря на то что в разных традициях приводятся разные данные о времени жизни Будды Шакьямуни, большинство западных ученых согласны с тем, что он жил в период между 566 и 486 годами до н.э. Он начал учить в центральной части Индо-Гангской равнины на севере Индии. Медленно его последователи распространили его учение в окрестностях, где вскоре появились монашеские общины монахов и монахинь. Таким образом буддизм постепенно развился в организованную религию, хранящую и устно передающую учения Будды.

После нескольких лет наблюдения за своим сознанием Будда Шакьямуни пришёл к выводу, что причиной страдания людей являются их собственные действия и прекратить страдания, достичь нирваны, можно практикой самоограничения и медитацией. Будда утверждал, что его Учение не является божественным откровением, а получено им через медитативное созерцание собственного духа и всех вещей. Учение не является догматом, и результаты зависят от самого человека.

За две с половиной тысячи лет в процессе распространения буддизм впитал множество различных верований и обрядовых практик. Одни последователи буддизма делают упор на самопознание через медитацию, другие — на благие деяния, трети — на поклонение Будде. Различия в идеях и правилах в разных буддийских школах вынуждают «признать „буддизмом“ любое учение, считавшееся буддийским самой традицией». Но все они базируются на следующих доктринах:

- Четыре Благородные Истины,
- учение о причинно-зависимом происхождении и карме,

- доктрина анатмавады (принцип бессущности, «недуши»)
- доктрина кшаникавады (учение о мгновенности),
- буддийская космология.

Последователи буддийского учения полагают, что эти принципы были провозглашены самим Буддой, однако трактовки их могут быть весьма различными.

Течения буддизма

Традиционно буддизм делят на **махаяну** («великую колесницу») и **тхераваду** («учение старейших»). Выделяется также направление **«ваджраяна»** («алмазная колесница» или тантрический буддизм), которое в некоторых регионах считается разновидностью махаяны, а в некоторых (Тибет, Монголия) — самостоятельным направлением.

Махаяна

Отличительной чертой махаяны является учение о бодхичитте — стремлении к спасению всех без исключения живых существ, подразумевающем безграничное сострадание и любовь к ним; и проистекающем из него представлении о бодхисаттве — существе, готовом отказаться от индивидуального достижения нирваны с целью спасения всех живых существ.

К махаяне относятся некоторые школы тибетского буддизма, китайский буддизм и некоторые отдельные буддийские школы.

Последователи махаяны подразделяют буддизм на Великую Колесницу (собственно махаяну) и Малую Колесницу («хинаяну»), которую называют также Колесницей шраваков и Пратьекабудд. Само название «хинаяна» (санскр. हीनयान्, *hīnayāna*, буквально «Малая колесница») было введено методически для обозначения буддистов, ограниченных только стремлением к индивидуальному просветлению, и применялось в исторической полемике

с другими, ныне не существующими, школами раннего буддизма и с целью объяснения понятия бодхичитты.

Тхеравада

Тхеравада — единственная сохранившаяся из школ Никаи (англ.)рус.(раннего буддизма). Применение по отношению к ней термина «Хинаяна» некорректно. Тхеравада активно использует понятие метта-бхавана, аналогичное понятию Бодхичитты в Махаяне, и под определение Хинаяны не подпадает.

Ваджраяна

Важной чертой учения Ваджраяны является акцент на природе Будды, изначально присущей всем существам, и чистоте всех явлений. Практика так называемого Чистого видения, т.е. обета видеть потенциал всех существ таким, каким его видят сами Будды, позволяет практиковать Учение не только монахам, но и мирянам обоих полов без необходимости ухода от мира и соблюдения обета безбрачия.

Ваджраяна распространена в Непале, Тибете и отчасти в Японии. Из Тибета пришла в Монголию, оттуда — в Бурятию, Туву и Калмыкию.

Подробная схема школ и ответвлений буддизма собрана в разделе «Школы буддизма».

Оценка количества последователей буддизма во всём мире значительно колеблется в зависимости от способа подсчёта, однако самые минимальные цифры колеблются в районе 350-500 миллионов человек. Основное число буддистов живет в странах Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии: Бутане, Вьетнаме, Индии, Камбодже, Китае (а также китайское население Сингапура и Малайзии), Корее, Лаосе, Монголии, Мьянме, Непале, Таиланде, Тибете, Шр-Ланке, Японии. В России буддизм традиционно исповедуют жители Бурятии, Калмыкии, Тувы, а в последние годы буддийские общины возникли в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах России.

Буддизм возник на индийском субконтиненте в середине I тысячелетия до н. э. Причины возникновения этого Учения до нынешнего времени точно не установлены, поскольку знания о древнеиндийском обществе слишком скучны.

В 781 году указом цэнпо (царя) Тисонгадецэна буддизм был объявлен государственной религией Тибета.

В отличие от монахистически религий (иудаизм, христианство, ислам), в буддизме нет ни всемогущего Бога-творца или Бога-личности, ни вечной души. В буддизме нет также понятия о «многих богах» вместо Будды. Эти же положения и отрицание кастовой системы отличает буддизм от индуизма и брахманизма, хотя он признает учение о карме.

Хотя в буддизме никогда не было миссионерского движения, учения Будды широко распространились на территории Индостана, а оттуда по всей Азии. В каждой новой культуре методы и стили буддизма менялись в соответствии с местным менталитетом, но основные принципы мудрости и сострадания оставались неизменными. Тем не менее, в буддизме так и не сложилось общей иерархии религиозных авторитетов с единым верховным главой. В каждой стране, куда проникал буддизм, возникали свои собственные формы, религиозная структура и духовный лидер. В настоящее время наиболее известным и уважаемым в мире буддийским лидером является Его Святейшество Далай-лама Тибета.

Существует две основные ветви буддизма: *хинаяна*, или Умеренная колесница (Малая колесница), основное внимание которой направлено на личное освобождение, и *махаяна*, или Обширная колесница (Великая колесница), основное внимание которой направлено на достижение состояния полностью просветленного будды с тем, чтобы наилучшим образом помогать другим. У каждой из этих ветвей буддизма есть свои собственные течения. В настоящее время сохранились три основные формы: одна форма хинаяны, известная как *тхеравада*, распространенная в Юго-

Восточной Азии, и две формы махаяны, представленные тибетской и китайской традициями.

В III веке до н. э. традиция тхеравада проникла из Индии в Шри-Ланку и Бирму, а оттуда – в провинцию Юньнань в Юго-Западном Китае, Таиланд, Лаос, Камбоджу, Южный Вьетнам и Индонезию. Вскоре можно было обнаружить группы практикующих буддизм индийских торговцев на берегах Аравийского полуострова и даже в египетской Александрии. Другие формы хинаяны проникли с тех пор на территорию современных Пакистана, Кашмира, Афганистана, восточного и прибрежного Ирана, Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана. В те времена это была территория древних государств Гандхара, Бактрия, Парфия и Согдиана. Отсюда во II веке н. э. эти формы буддизма распространились в Восточный Туркестан (Синьцзян) и далее в Китай, а в конце XVII века – в Киргизию и Казахстан. Позже эти формы хинаяны были объединены с некоторыми из учений махаяны, также пришедшими из Индии. Таким образом, махаяна в конечном счете стала преобладающей формой буддизма на большей части территории Центральной Азии.

Китайская форма махаяны позднее распространилась в Корею, Японию и Северный Вьетнам. Начиная примерно с V века, еще одна ранняя волна махаяны, смешанная с шивавитскими формами индуизма, проникла из Индии в Непал, Индонезию, Малайзию и некоторые районы Юго-Восточной Азии. Тибетская традиция махаяны, которая, зародившись в VII веке, вобрала в себя все историческое развитие индийского буддизма, распространилась по всему Гималайскому региону, а также в Монголию, Восточный Туркестан, Киргизию, Казахстан, северную часть Внутреннего Китая, Маньчжурию, Сибирь и Калмыкию, расположенную на побережье Каспийского моря в европейской части России.

Буддизм в Восточном Туркестане имеет долгую историю. В I веке до н.э. буддизм пришел из Индии в Хотан, распространяясь вдоль южной границы пустыни Такла-Макан. Хотанцы были иранским народом. Спустя

несколько столетий в Индии появилась традиция махаяны, и Хотан вскоре стал центром махаянского буддизма.

Где-то в I веке н.э. буддизм пришел из Гандхары (Пакистан) и Кашмира в Кашгар, а также из Гандхары, Кашмира и Хотана к индоевропейскому населению Кроаины (современный Лоулань) – города-царства, располагавшегося близ озера Лоб-Нор к востоку от Хотана. Население покинуло Кроаину из-за опустынивания окрестностей в IV веке, и большая его часть присоединилась к Хотану.

Тохары принесли буддизм в Кучу и Турфан, продвигаясь вдоль северной границы пустыни во II веке н.э.

Тохары были потомками юэчжи – самого восточного народа, относящегося к европеоидной расе, говорившего на древнем западном языке индоевропейской группы. Согласно некоторым источникам, группа юэчжи переселилась на территорию современного восточного Казахстана, а со временем и на территорию современных Афганистана и Таджикистана. Здесь они также стали известны как тохары и приняли в качестве религии сарвастиваду – ветвь хинайского буддизма. Тохары царств Кучи и Турфана тоже следовали традиции сарвастивада.

Хотя большинство уйгуров, являющихся тюркским народом, пришли на север западной Монголии с гор Алтая, из района Тувы, одна небольшая ветвь жила в Турфане с IV века и следовала буддизму тохаров.

Китай держал военные гарнизоны в этих оазисах-государствах в период с I века до н.э. по II век н.э., однако все это имело место до установления буддизма в Китае. Влияние китайского буддизма на эти регионы в последующие столетия распространялось благодаря китайским купцам, путешествовавшим вдоль обеих ветвей Великого шелкового пути и поселявшимся там. Согдийские купцы-буддисты из Узбекистана также селились в этих городах-оазисах, особенно вдоль северной ветви Великого шелкового пути, и также оказывали влияние на развитие буддизма. Подобно хотанцам, согдийцы были иранским народом.

Тибетцы правили всеми государствами-оазисами Восточного Туркестана, кроме Кашгара и Яркенда, а также большей частью Ганьсу и восточной Киргизии с начала VII и до середины IX столетия, с перерывом в середине этого периода, когда этими территориями владел Китай. Археологические свидетельства указывают лишь на незначительное влияние тибетцев на этот регион, однако этот вопрос требует дальнейших исследований. С другой стороны, тибетцы многое позаимствовали у Хотана – в частности, алфавит и стиль перевода технических буддийских терминов. Именно хотансскую письменность ТонмиСамбхота выучил в Кашмире и использовал для тибетского языка. Хотанская письменность произошла от индийской, но в ней, как и в тибетской, для написания длинных санскритских гласных используется '*a-chung*', а собственные гласные помещены в конец алфавита.

В середине IX столетия, почти в то же время, когда тибетцы оставили Восточный Туркестан после правления Лангдармы, большая часть алтайской ветви уйгуров, правившей Монголией в предыдущие полтора столетия, переселилась в Турфан. Они оставили Монголию нахлынувшему потоку алтайской ветви киргизов и, оказавшись в Туфане, основали царство Кочо, правившее всей северной частью пустыни, от Кучи до Хами, и восточной частью северной границы пустыни, вокруг озера Лоб-Нор. Монгольские уйгуры, как их теперь называют, оставили свою религию – манихейство и переняли буддизм у своих сородичей из Турфана. Между тем, некоторые ученые считают, что, до того как уйгуры оставили Монголию, некоторые из них уже были буддистами благодаря контактам с согдийскими купцами-буддистами и благодаря сохранившемуся влиянию буддистов-тюрок, правивших Монголией до уйгуров.

После того как в середине IX века тибетцы покинули Восточный Туркестан, Хотан стал независимым государством и буддизм в нем продолжал развиваться. Местный тюркский народ основал вокруг Кашгара Караканидское государство, которое изначально включало Кашгар, а также

восточные Киргизию и Казахстан. Некоторые ученые считают, что этот тюркский народ был еще одной ветвью монгольских уйголов, также переселившихся на эту территорию. На протяжении столетия караханиды следовали смеси кашгарского буддизма и шаманизма.

Караханиды раньше других стали мусульманами, и это произошло в конце X столетия. После долгой войны они нанесли поражение Хотану в середине XII столетия и обратили Хотан в ислам. В этих войнах тибетские войска сражались на стороне своих собратьев – буддистов Хотана. Как бы там ни было, уйгуры из Кочо продолжали оставаться буддистами. В период правления Чингиз-хана они не только дали монголам свою письменность, заимствованную ими у согдийцев, но были первыми, кто познакомил монголов с буддизмом. Когда позже монголы переняли тибетский буддизм, его также переняли и уйгуры. Ислам пришел к уйгурам где-то между XIV и XVII столетиями, медленно распространяясь с запада на восток.

Джунгары поддерживали тибетский буддизм в северной части Восточного Туркестана и в восточной части Казахстана с конца XVI столетия, до того как потерпели поражение и были практически полностью истреблены манчжурами в середине XVIII столетия. Калмыки откололись от джунгаров в начале XVII века, отправившись в район Волги, в европейскую часть России. Часть их вернулась в Восточный Туркестан в конце XIII века, где с тех пор живет и следует тибетскому буддизму. Тем не менее, до нахлынувшего в наши дни потока китайских переселенцев народностей хань и хуэй, подавляющее большинство жителей Восточного Туркестана составляли уйгуры, исповедующие ислам.

Несмотря на то что в разных традициях приводятся разные данные о времени жизни Будды Шакьямуни, большинство западных ученых согласны с тем, что он жил в период между 566 и 486 годами до н.э. Он начал учить в центральной части Индо-Гангской равнины на севере Индии. Медленно его последователи распространили его учение в окрестностях, где вскоре появились монашеские общины монахов и монахинь. Таким образом буддизм

постепенно развился в организованную религию, хранящую и устно передающую учения Будды.

Сначала, в середине III века до н.э., благодаря царю Ашоке Маурье (годы правления 273 – 232 до н.э.) буддизм распространился с севера Индии в Гандхару и Кашмир. Спустя два столетия буддизм впервые достиг Западного и Восточного Туркестана, придя в I веке до н.э. из Гандхары в Бактрию и из Кашмира в Хотан. Тогда же он также распространился из Кашмира в Гилгит, а с севера Индии – в современные южные провинции Пакистана Синд и Балочистан (Белуджистан) через восточный Иран и далее в Парфию. Согласно традиционной буддийской истории среди непосредственных учеников Будды Шакьямуни было два торговца из Бактрии. Однако не существует свидетельств утверждения ими буддизма в их родной стране на этой ранней стадии.

К I веку н.э. буддизм проник глубже в Западный Туркестан, распространяясь из Бактрии в Согдиану. На протяжении этого века он также проник дальше вдоль южной границы Таримской впадины, придя из Гандхары и Кашмира в Кашгар, а из Гандхары, Кашмира и Хотана – в царство Крорайну в Нийе. Население покинуло Крорайну из-за опустынивания окрестностей в IV веке, и большая часть ее жителей переселилась в Хотан.

На протяжении II века н.э. буддизм также достиг северной границы Таримской впадины, придя из Бактрии к тохарам царств Кучи и Турфана. Согласно некоторым источникам, эти тохары были потомками народа юэчжи, европеоидной расы, говорившей на одном из западных языков индоевропейской группы. Во II веке до н.э. одна из ветвей юэчжи, позже известная как тохары, двигалась на запад и поселилась в Бактрии. Таким образом, Восточная Бактрия получила название Тохаристан. Однако, несмотря на общее название этих народов – тохары, – между тохарами

Восточной Бактрии и тохарами Кучи и Турфана не существовало политических связей.

Иранская культура присутствовала во многих из перечисленных районов Западного и Восточного Туркестана, а именно в Бактрии, Согдиане, Хотане и Куче. Вследствие этого центральноазиатский буддизм в разной степени смешался с зороастризмом, древней религией Ирана. Общие с зороастризмом элементы встречались в той традиции хинаянского буддизма сарвастиваде, которая процветала в Бактрии, Согдиане и Куче, а также в махаянском буддизме, который стал преобладать в Хотане.

Глава II. Памятники буддийского искусства в Восточном Туркестане.

II.1. Экспедиции и их находки, буддийские памятники и их роль в культурной жизни Восточного Туркестана.

Восточный Туркестан всегда был объектом внимания специалистов многих дисциплин. Его всестороннее исследование начинается с середины прошлого века. Формируется научное общество по изучению региона, одна за другой отправляются туда экспедиции. Полный обзор материала по истории изучения изложен в трудах Б. А. Литвинского, А. И. Терентьева-Котанского⁵⁰, С. Г. Кляшторного, А. А. Колесникова. Можно считать, что чисто Археологическое изучение бассейна реки Тарим, начато с экспедиции Д. А. Клеменца, организованной в 1898 г. Он исследовал Джунгарию и Турфан, собрал богатейший материал, что и послужило началом многих более углубленных обследований региона. Следующая экспедиция была организована в 1900 г. шведским ученым Свен Хедином. Он открыл руины Лоулана, древнего города эпохи Хань. Затем АурельСтейн, представитель английской науки отправился из Индии в 1900 г., исследовал всю южную ветвь "Шелкового пути", побывав в Хотане, открыв серию мертвых городов, датируемых периодами Хань и Тан, собрав для науки огромное количество предметов материальной культуры. После этого вереницей последовали экспедиции различных стран Запада, Немецкие экспедиции состоялись в 1902-03 гг., 1904-05 гг., 1905-07 гг., 1913-14 гг. руководителем первой экспедиции был А. Грюнведель, с ним работал этнограф Г. Хут и художник

⁵⁰Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город (местные и иноземные модели). Древний Восток. Город и торговля. (III-IV вв. до н. э.), Ереван, 1973.

Т. Бартус, Грюнведель принимал участие также в третьей экспедиции, которая явилась продолжением второй и в которой работали китаист А, Порт, Т. Бартус и А, фон Лекок. А. фон Лекок был руководителем второй и четвертой экспедициями. Эти четыре экспедиции исследовали почти все археологические памятники оазисов Турфана, Кучи, Кашгара. В особенности Турфана, Именно этим двум экспедициям мы обязаны подробным описанием и детальным разбором памятников живописи, искусства.

Британский музей и правительство финансируют экспедиции., которые состоялись в 1906-1908 гг, и 1913-1915 гг, В эти годы А. Стейн вместе с топографом Р, Б. Лал Сингом (1906-1908 гг.) обследовал весь бассейн реки Тарим, побывал в Дуньхуане, собрал большую коллекцию монет, керамики, терракот, металлических изделий, подробно описал и составил планы и разрезы архитектурных памятников, Материалы его исследований опубликованы в 11-ти томах и множестве статей.

Французская экспедиция, организованная в сентябре 1906 г. французским комитетом Международной Ассоциации по изучению Центральной и Восточной Азии, под руководством П. Пеллио исследовала Кашгарский оазис (Маралбashi, Тумшук), памятники Кучи (Дулдур-Акур, Субаши), Турфан и Хами и в январе 1908 г., побывав в Дуньхуане, вернулась на родину. Наряду с топографическими и обмерными планами, эта экспедиция провела тщательное фотографирование объектов. Материалы французской экспедиции отличаются более углубленной научной разработкой. Результаты исследования издавались и издаются в виде отчетов, статей (вышло в свет 5 томов из запланированных 10).

Заинтригованная сенсационными находками европейских стран, Япония также взялась за изучение Восточного Туркестана. Она организовала три экспедиции, Первая (1902-1904 гг.), под руководством графа Отани Сесин при участии Ватанабэ Тэсин и Хори Кэндо, исследовала Кашгар, Хотан. Участники второй экспедиции (1908-1909 гг.) Татибана Дзуйте и Номура Эйдзобуро в основном работали в Турфане (Гаочан, Яр, Муртук),

побывали в Нии, Хотане, Яркенте, Кашгаре, Руководителем третьей, самой продолжительной экспедиции (1910-1914 гг.) был Татигана, За этот период японские исследователи обошли почти . все археологические центры бассейна р, Тарим. Несмотря на то, что в Японию была привезена масса вещей и сведений, впоследствие из-за неполноценной фиксации они не были опубликованы и хранятся в коллекциях музеев Токио, Киото.

Пожалуй, самый весомый вклад в изучение Восточного Туркестана внесли русские ученые, Путешествия в этот край предпринимались уже с середины прошлого столетия Ч, Валихановым в 1858-1859 гг., Н, П, Пржевальским четыре раза (1870-1885 гг.), ботаником Н. Э. Гегелем (1878-1979 гг.), М. В. Певцовым и П. К. Козловым, В. И. Роборовским в 1898-1900 гг. братьями Грум-Гржимайло в 1889 г, и др. Именно по инициативе русских ученых была создана Международная Ассоциация по изучению Центральной и Восточной Азии. Русское отделение этой Ассоциации ("Русский комитет"), возглавляемое В. П, Радловым и С. Ф. Ольденбургом, направило несколько экспедиций, которыми руководили М, М. Березовский в 1905-1907 гг., С. Ф. Ольденбург в 1909-1910 гг., 1914-1915 гг., С. Е. Малов в 1909-1911 гг., 1913-1915 гг. Научная добросовестность, объективность и наблюдательность, свойственные этим ученым, делают работы русских экспедиций особо ценными для современных исследователей.

После первой мировой войны китайское правительство запретило иностранцам заниматься Синьцзяном. Но все же в 1928-1931 гг. и 1934 г. состоялись шведо-китайские экспедиции, руководителем которых был С. Хедин. В составе ее работали археолог Ф. Бергман, востоковед Ж. Акен и китайский археолог, преподаватель Пекинского университета Хуан Вэньби. Нужно отметить, что Хуан Вэньби до конца своей жизни (ум, в 1966 г.) оставался ведущим специалистом в археологии Синьцзяна, им были написаны, помимо статей в журналах КаоГУ - "Археология", Вэньу - "Материальная культура", такие монографии, как "Гаочан тау цзи" - "Керамика Гаочан", "Талиму пан дикаогуцзи" "Археология

"Таримской впадины", "Лобноркаогуцзи" "Археологические исследования в Лобноре" и др.

С начала 50-х годов археологические исследования в Восточном Туркестане ведутся китайскими учеными. В 1956 г. в Китае была организована Синьцзянская группа по разведке и изучению памятников материальной культуры, призванная осуществлять всесороннюю разведку памятников всего СУАР. Тогда же был создан Музей СУАР.

К сожалению, работы китайских ученых в силу различных причин остались малодоступными. И только в 1981 г. началась публикация документов из Турфана (Тулуфаньчутувэньшу. Пекин, 1981), Интересны, с архитектурной точки зрения, опубликованные материалы раскопок близ Мирана, осуществленные Музеем СУАР в 1973 г, (Ван ЯоВу, 1984) .

Материалы, вывезенные различными экспедициями из Восточного Туркестана, исчисляются десятками тысяч единиц, Отчеты самих экспедиций включают десятки томов, Достаточно сказать, что только А. Стейн опубликовал II томов отчетов, столько же насчитывают материалы немецкой экспедиции. Над этими материалами работают уже поколения исследователей, но в области архитектуры остается немало "белых пятен". Как правило, экспедиции начала века ограничивались поверхностными наблюдениями, брали то, что "лежало" сверху.

Наиболее важной в этой области оказалась работа художника и фотографа экспедиции С. Ф. Ольденбурга (1909 г.), С. М. Дудина, который ранее принимал участие в среднеазиатских археологических экспедициях В. В. Бартольда и Н. И. Веселовского и осуществлял фотофиксацию памятников Самарканда, Дудин опубликовал первую в своем роде книгу по архитектуре Восточного Туркестана.

В планографическом аспекте больше всех сделал А. Стейн. Отличный топограф, он снял точные планы многих поселений, нанес на карту археологические памятники, провел обмеры архитектурных сооружений.

Однако и Стейн не фиксировал ход раскопок, не занимался их стратиграфическим анализом.

Таким образом, письменные источники и материалы экспедиций не столько решают различные проблемы истории архитектуры Восточного Туркестана, сколько ставят, подчеркивают их актуальность. Пока что еще трудно идентифицировать многие архитектурные комплексы, в большинстве случаев не представляется возможным датировать памятники, убедительно интерпретировать их. Специальный анализ пока что ограничивается исследованием каких-либо архитектурных элементов, общих принципов строительных и художественных конструкций. Здесь обращает на себя внимание работа М. Майяр по архитектуре Восточного Туркестана.

Сейчас уже становится ясно, что дальнейшая работа в области истории архитектуры требует, прежде всего, теоретической и методологической корректировки, которая должна основываться на пересмотре некоторых стереотипов, привлечении материалов из смежных с архитектурой областей, в частности, искусства, на более широком и комплексном охвате явлений,

Необходимо отметить, что уже первые находки материальной культуры и искусства свидетельствовали о весьма обширных связях восточнотуркестанских городов с различными культурами. Так, в 1898 г. Ф. Гренар, оценивая найденные в районе Хотана статуэтки, констатировал, что они "не китайского и не индийского, а греко-бактрийского происхождения и напоминают статуэтки, которые выкапывают в довольно большом количестве в руинах древнего Самарканда" (Grennard, 1898, p. 127).

Впоследствии богатейшие фонды произведений искусства, найденные в Восточном Туркестане, были достаточно подробно описаны и исследованы. Причем подчас воссоздавалось не только декоративно-художественное оформление отдельных помещений, но и целых архитектурных комплексов. А. Грюнвельд дал в 1909 г. стилевую классификацию и предположительную хронологию восточно-туркестанского искусства.

«Традиция пещерной архитектуры развилась в Индии в период Маурьев в Магадхе и вблизи от нее, т.е. в современном Бихаре. В последующие столетия она распространилась по трем главным направлениям: южнее (Магадхи), через Ориссу до побережья современной Андры; с буддийскими миссионерами, но в сильно ослабленной форме — на юг полуострова и на Цейлон; через Декан на западе до Саураштры. Эта третья группа количественно и стилистически наиболее важная».³⁰⁾ Таким образом, пещерные монастыри появляются уже в середине III в. до н.э. при Ашоке. Ранний период их истории, период окончательного сложения принципов пещерной архитектуры, — это время примерно от 120 г. до н.э. до 200 г. н.э.

Ранние буддийские монастыри находятся от Караджа на юге до Аджанты и Паталкхоры на севере, до Саураштры на западе. Выявлено 12 ранних пещерных монастырей, в отдельных монастырях обнаружено от 4 до 12 пещер, общее количество обнаруженных пещер — около тысячи. Они вырублены в базальтовых породах горных цепей Декана. Важно отметить, что ранние пещерные монастыри расположены вдоль древних торговых путей, связывающих порты с крупными материковыми городами.

Каждый монастырь состоял из одного или нескольких святилищ (чайтъя) и нескольких помещений для проживания монахов (вихара). Наиболее ранние чайтъи (около 250 г. до н.э.) — это пещерные монастыри Судама и ЛомасаРиш в Барабарских холмах в Бихаре. Они состояли из прямоугольной камеры, где могли собираться верующие, и маленькой круглой купольной камеры, вход в которую был в одном из торцов. Предполагают, что там, как и в поздних сооружениях такого типа, помещалась круглая в плане ступа. В дальнейшем главное помещение чайтъи приобрело вытянутоапсидную форму с круглой ступой и округлым торцом на отдаленной от входа стороне. Вдоль периметра зала, исключая входную сторону, шел ряд колонн, огибающих ступу. План в результате стал трехнефным, образовался своего рода обходной коридор для выполнения

церемонии *pradakṣinā*. Вокруг центрального зала иногда группировались связанные с ним проемами небольшие целлы.

Затем, уже во II в. н.э. появляются прямоугольные чайты — в пещере XLVIII в Шивнери близ Джуннара. Исключительный интерес представляет одна из пещер близ Джуннара. Она имеет узкий вестибюль, перпендикулярный оси сооружения. Вестибюль снаружи ограничен двумя колоннами в центре и двумя примыкающими к стенам полуколоннами. Из него — вход в вытянутое вдоль продольной оси прямоугольное святилище ($3,7 \times 10,1$ м), несколько расширяющееся в задней части. Там близ задней стены оставлена масса скалы в виде прямоугольного устоя ($1,7 \times 2,4$ м), перед которым располагается грубо высеченная скульптура. Судя по надписи, расположенной рядом с пещерой, и архитектурным деталям, ее можно отнести к I (может быть, II?) в. н.э. Это показывает, что восточнотуркестанские пещеры распространенных типов являются не просто «упрощенным вариантом» индийских пещер со ступой, а находят прямые прототипы в некоторых ранних индийских буддийских пещерах, во всяком случае, именно в Индии находятся истоки планировки пещер этих типов. Последнее подкрепляется материалами ранних индийских пещерных сооружений типа вихары.

Стандартная вихара ранних индийских буддийских монастырей — квадратная по форме. Типичные примеры — вихара XIX в. в Насике и Аджанте⁵¹. В более позднее время в задней [193] стенке вихары устраивается пещера — чайта.⁵¹ Сходство с пещерами Бактрии прослеживается не только на уровне типологии элементарных, но и композиционных схем.

⁵¹ *Sarkar H. Studies in Early Buddhist Architecture of India. Delhi, 1966; Ferguson J, Burgess J. The Cave Temples of India. Delhi, 1969 (reprint); Daheja. Op. cit.; Gupta S.P. The Roots of India Art. Delhi, 1980 и др. Обзор ранних буддийских скальных монастырей см. Huntington S.L. Ancient India. Buddhist. Hindu. Jain. New York — Tokyo, 1985. P. 123-124.*

Из Западной Индии обычай высекать пещерные буддийские храмы распространяется и на север, на территорию древней Гандхары (современный Западный Пакистан и Юго-Восточный Афганистан), а затем далее на север — вплоть до Бактрии.

Я не имею возможности хотя бы кратко остановиться па пещерных комплексах Афганистана, на территории которого вытянулся с юго-востока (Гандхара) и до севера (Бактрия) ряд пещерных комплексов, в том числе такой знаменитый, как Бамиан.⁵² И, наконец, Средняя Азия с его комплексом Кара-тепе.

Выстроенная выше «цепочка», конечно, искусственная. Она составлена из сохранившихся и обнаруженных археологами памятников. Эта «цепочка» показывает лишь направление, вектор движения, но и это представляет значительный интерес.

Я остановился на вопросе о возникновении пещерных буддийских комплексов и на их сооружении в Индо-афганском регионе. Еще более широко они были распространены в Восточном Туркестане и Китае.⁵³

⁵²Обзорибиблиографиосм. *Литвинский Б.А.* Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История культуры. Связи. М., 1984. С. 18-20.

⁵³Обзор и библиографию см. там же; *Литвинский*, Архитектура...

II.2. Попытка освещения буддийской культуры и её роль для Центральной Азии в свете буддийских памятников Восточного Туркестана.

Основоположник нового подхода к вопросам зарождения и развития искусства Восточного Туркестана М. М. Дьяконов констатировал: "Открытие советскими исследователями росписей Согда, Бухары, Хорезма позволяет увидеть в новом свете и богатые росписи Синьцзяна, Исследователи искали в искусстве Синьцзяна сасанидские элементы, но теперь нам стало ясно, что все те черты, которые обычно считались "иранскими", являются элементами среднеазиатскими, точнее - согдийскими" (Дьяконов, 1954, с. 148-150).

Здесь не следует впадать в крайность, заменяя одну концепцию другой и выстраивая упрощенные модели развития художественной культуры в Центральной Азии. Вновь открытые памятники на территории Средней Азии в той же мере синтетичны и вбирают в себя многие явления из различных эпох и культур.

Освоение эстетических ценностей всегда и везде было творческим процессом, и искусство различных регионов своеобразно. Вместе с тем, совокупность культурных факторов, определяющих особенности развития восточнотуркестанского искусства в древности и раннем средневековье, ставит перед необходимостью исследовать художественную культуру Восточного Туркестана как неразрывную часть Центральной Азии. Именно такой подход лег в основу работ И. Буссалы (Bussagli, 1963), Б. Роуленда (Rowlound, 1974), А. Амбиса (Hambis, 1977). Под этим углом зрения рассматривают особенности развития искусства различных регионов Центральной Азии Л. И. Альбаум, В. А. Булатова, Т. И. Зеймаль, Б. А. Литвинский, Ю. А. Раппопорт и Б. Я. Ставиский и др.

Необходимо отметить, что в республиках Средней Азии проведен большой объем археологических работ, позволивший достаточно многосторонне и глубоко исследовать основы развития архитектуры,

еесобенности в различных регионах, определить степень влияния различных систем, идеологических течений и т. д. Эти исследования неопровергимо доказывают, что здесь мы имеем дело не с простым заимствованием, различного рода "трансформами", а с самобытным искусством, развивавшимся долгое время в своеобразной "открытой" системе, позволившей конструктивно отбирать из материальных и духовных богатств сопредельных регионов именно то, что отвечало местным требованиям. В свою очередь среднеазиатская архитектура вносила свой, весьма весомый, вклад в развитие центральноазиатских культур,

Здесь были достаточно полно исследованы и выявлены основные архитектурные школы древности и раннего средневековья - хорезмийская, согдийская, тохаристанская, определены их стилевые особенности. Вместе с тем следует отметить, что в системе взаимодействия различных культур гораздо полнее исследованы связи местных архитектурных направлений с эллинизмом, с иранским зодчеством и другими "западными" направлениями и в меньшей мере с юго-восточными.

Этот аспект взаимовлияния Средней Азии и Восточного Туркестана естественно ставит перед необходимостью изучения проблем распространения культовой буддийской архитектуры в более широком историко-культурном аспекте с привлечением обширного среднеазиатского, восточнотуркестанского, индийского материала. Подобный подход наиболее полно осуществлен в работах Б. А. Литвинского. Среди зарубежных исследований привлекают работы австрийского ученого Г. Франца, где наряду с другими регионами затрагиваются вопросы развития центральноазиатской буддийской архитектуры (Franz, 1977;⁵⁴ 1978;⁵⁵ 1979⁵⁶).

⁵⁴Franz H. G. Buddhistische Kultstätten in Sowjetisch-Lentralasien "Asiatische Jahrbücher". Jg 4, Hft 2, 1977.

⁵⁵Franz H. G. Pagoda Turmtempel. Stupa, Studien Zum Kultbau des Buddhismus in Indien und Ostasien. Giraz, 1978.

Одной из основных проблем этих работ является вопрос определения генезиса святилища с обходными коридорами буддийских храмов. При этом Б. А. Литвинский еще в конце 60-х, начале 70-х годов пришел к выводу о том, что сама архитектурная идея была усвоена буддизмом из принципов зодчества зороастризма и должна рассматриваться в более масштабном временном и пространственном контексте (Litvinsky, 1968, p, 107). Что же касается самого архитектурного принципа, то он уже присутствует в древнеегипетских храмах, набатейском и парфянском зодчестве и других культурах. Эта проблема рассматривается в работах М. Элиаде (Eliade, 1957), Р. Гиршмана (Ghirshman, 1976) и других.

Если учитывать, что буддизм распространялся в Восточном Туркестане, главным образом, через территорию Средней Азии, то естественно предположить, что, во-первых, это движение сопровождалось и распространением архитектурных принципов, во-вторых, буддийская архитектура в Восточном Туркестане развивалась не на пустом месте, там, наверняка, уже были развитые формы зодчества, безусловно, изначально родственные среднеазиатским, в том числе и согдийским. Поэтому представляется возможным при исследовании восточнотуркестанской культовой архитектуры использовать не только материалы буддийского зодчества в Средней Азии, но и храмов других вероисповеданий, светской архитектуры.

Чрезвычайно важен вопрос о роли и месте среди всех этих памятников бактрийского буддийского комплекса Кара-тепе, одного из ключевых памятников среднеазиатского буддизма, раскопки которого почти 30 лет осуществлялись под руководством Б.Я. Стависского.⁵⁷ К сожалению, ни в многочисленных его публикациях, ни в рассматриваемой книге этот вопрос

⁵⁶Franz H. G. Von Gandharabis.Pagan Kultbouter des Buddhismus und Hinduismus in Sud und Zentralasien.Graz, 1979.

⁵⁷Ставиский.Судьбы буддизма...С. 174, 176-177.

не только не исследован, но и не затронут. Между тем он чрезвычайно важен как для установления путей и хронологии распространения этого вида буддийских сооружений вне их индийской «прадорины», так и для установления роли бактрийского компонента в разработке особого варианта таких сооружений — «пещерно-наземных монастырей», столь распространенных в Восточном Туркестане. Представляется, что эта роль очень велика. Итак, часть пещерных буддийских монастырей берет начало в Индии, она получила новое воплощение в Бактрии, на ранние формы восточнотуркестанских и северокитайских монастырей оказала серьезное влияние бактрийская строительная практика.

Параллельно и одновременно развивалась и наземная среднеазиатская буддийская архитектура. Возможно, в ее создании на первых порах участвовали индийские зодчие и специалисты архитектурно-декоративного искусства. Вскоре, однако, эволюция буддийской архитектуры Средней Азии пошла своим специфическим путем. Сохраняя некие основополагающие принципы, особенно в формообразовании и архитектурной композиции, среднеазиатская буддийская архитектура создала новые типы и планировочные схемы, например, воплощенную в Аджинатепачетырехайванную композицию, широко применяла планировочные схемы с акцентом на целле с обходным коридором и т.д.⁵⁸ Характерно также, что эволюция такой ключевой части буддийской архитектуры, как ступа, в большой степени сохраняя параллелизм с эволюцией ступы в других частях буддийского мира, имела в Средней Азии определенное своеобразие.⁵⁹

Это своеобразие проявлялось и в том, что в конструктивно-строительном отношении памятники архитектуры среднеазиатского

⁵⁸Он же. Архитектура... С. 214; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. I. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М. 2000, *passim*.

⁵⁹Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Некоторые аспекты семантики и иерархии stupa в Средней Азии // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982 (с литературой вопроса).

буддизма в основном находятся в русле традиций среднеазиатского зодчества. Впрочем, ситуация порой была более сложной, и процесс генезиса отдельных конструктивных элементов протекал на обширной территории, включавшей Северный Индостан, Афганистан, Иран. Среднюю Азию и Восточный Туркестан. В качестве примера приведем колонну: ее развитие в каждой из указанных областей образует самостоятельный ряд, в какой-то мере параллельный другим, и эти ряды нередко соприкасаются или пересекаются.⁶⁰

Как явствует из анализа имеющихся материалов, в Средней Азии в области буддийской архитектуры протекал интенсивный процесс формотворчества на базе синтеза индийских, среднеазиатских и восточнотуркестанских архитектурных основ, причем порой создавались совершенно новые архитектурно-планировочные схемы и решения, а именно: центральная ступа буддийского монастыря была заключена в квадрат сообщающихся друг с другом сводчатых коридоров, в которых находились статуи будд в различных мудрах, и гигантская скульптура Будды в Нирване. Обходом этих коридоров осуществлялась церемония *pradarśina*. В полностью разработанном и совершенном виде эта схема представлена на Аджина-тепа.⁶¹ Австрийский ученый Г.Франц сопоставил это с большой ролью, которую играл в то время тантрийский буддизм с его мистическими элементами. Он полагает, что аджинатепинская схема была прообразом для более поздних буддийских сооружений Бенгалии и Бирмы.⁶² Если наблюдения Г.Франца подтверждаются (а они кажутся очень основательными), можно думать, что планировочные схемы и конструкции, созданные в

⁶⁰Литвинский Б.А. Древнее и раннее средневековое архитектурно-строительное дело в Восточном Туркестане (В свете археологических открытий в Средней Азии) // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М, 1987. С. 199-202.

⁶¹Литвинский, Зеймаль.Аджина-тепа...

⁶²Franz H.G.Buddhistische Kultslatten in sowjetische Zentralasien //Afghanistan Journal, Jg 4/2.Graz, 1977, P. 69-71.

Средней Азии, должны были в свою очередь оказать обратное влияние на архитектуру Индии и прилегающих к ней стран. Проникновение в Индию этих нововведений могло осуществляться разными путями. Мы знаем, например, из одной надписи из Таксилы, что некий бактриец, чиновник кушанской администрации, воздвиг в этом городе буддийское сооружение.⁶³ Вполне вероятно, что при этом использовались какие-то типичные элементы архитектуры, распространенные на родине заказчика. Так, в одном из текстов сообщается об украшении квартала куртизанок «передвижным святилищем из Северной Бактрии».⁶⁴ Уже в кушанскую эпоху элементы среднеазиатских архитектурно-строительных конструкций получили распространение в Индии.⁶⁵ В ряде случаев в Индии и Средней Азии можно наблюдать синтез индийских, бактрийских и эллинистическо-римских традиций.⁶⁶ Среднеазиатско-буддийская архитектурно-строительная терминология не разработана. Так, Б.Я. Ставиский утверждает, что «некоторые среднеазиатские исследователи» применяли термин sangharama к среднеазиатским буддийским монастырям Iтыс.н.э., не имея на то оснований. Он полагает, что засвидетельствованный в индийских надписях Кара-тепе и Фаяз-тепе термин vihāra является единственно правильным для обозначения среднеазиатских буддийских монастырей.⁶⁷

Однако все это не столь очевидно. Вопрос о соотношении этих терминов достаточно сложен. Он неоднократно исследовался в специальной литературе. В ранних буддийских сочинениях приводится такое определение sanghārāma: поселение для монахов, «имеющее вихары, жилища для монахов,

⁶³ Konow S.Kharoshthi Inscriptions with the Exceptions of those of Asoka.Calcutta, 1929 (Corpus Inscriptionum indicarum. V. II. Pl. 1). P. 74-75; Litvinsky. Outline History,.. P. 13-14.

⁶⁴ Ghosh M. Glimpses of Sexual Life in Nanda-Maurya India.Calcutta, 1973.P. 131.

⁶⁵ Sharma G.S. Kusana Studies.Allahabad, 1968. P. 34-35

⁶⁷ Ставиский. Судьбы буддизма... С. 174, 176-177.

залы для собраний общины, кухни, хранилища, бани, открытые и крытые водоемы», и т.д. (*Mahā-vagga*.III. 5, 6). Здесь *vihāra* — явно часть *sanghārāma*.

Но вместе с тем китайские буддийские пилигримы употребляют термин *sanghārāma* не только для подобных сооружений, но и для монастырских заведений любого типа. Фа-сян прямо писал: «Места, где монахи останавливаются и временно поселяются, они называют *sanghārāma*», а Сюань-цзань применял термины «вихара» и «сангхарама» как синонимичные. Вместе с тем тохаристанские монастыри он называет именно (сэн)цзяпань — санхарама. Термин *sanghārāma* применялся не только в Индии, но и в Восточном Туркестане. В хотано-сакской легенде о Канишке в тексте VIII-X вв. локапалы сообщают царю о пророчестве Будды, согласно которому Канишка должен построить сангхарамусамгатма месте с огромной ступой, что царь и выполнил.⁶⁸

Не исключено, что в тех нескольких случаях, когда в каратепинских надписях употребляется термин *vihāra*, речь, собственно, идет об отдельных частях обширного комплекса — это признает сам Б.С. Ставиский. Следовательно, мы не знаем, как буддисты называли весь монастырский комплекс на Кара-тепе — *vihāra* или *sanghārāma*, Фаяз-тепе скорее всего именовалась *vihāra*. А о том, как обозначался каждый из множества других среднеазиатских монастырей, нет ни малейших сведений. Некоторые могли обозначаться *vihāra*, другие — *sanghārāma*. Поэтому никто из исследователей (даже Б.Я. Ставиский), не вправе указывать современным ученым, каким термином следует обозначать какое-либо монастырское сооружение.

По этому пути можно дойти до абсурда. Так, Б.Я. Ставиский часто употребляет термин «ступа». Но в среднеазиатских текстах он пока не обнаружен. Следуя логике Б.Я. Стависского, его употребление следовало бы запретить...

⁶⁸ *Baily H.W. Visasamgrama //AsiaMajor. V. XI. Pt 2.L., 1965.P. 108.*

В гораздо меньшей степени, чем проблемы архитектуры, разработаны вопросы среднеазиатского буддийского искусства. Здесь есть свои специфические сложности. Произведения искусства составляли неотъемлемую часть буддийских сооружений. Архитектура и искусство, дополняя и обогащая друг друга, создавались как единое целое. Однако архитектурная составляющая дошла до нас в несравненно большей сохранности, чем искусство. Значительная часть настенных росписей не сохранилась, до нас дошли лишь отдельные фрагменты и небольшие сцены. От скульптурного убранства помещений также уцелели лишь изолированные скульптуры и их части. Вследствие этого невозможно осуществить композиционный анализ живописи и скульптуры ни одного буддийского сооружения, понять содержание композиции и ее соотношение с буддийскими текстами, провести расшифровку сюжета. Памятники искусства многих буддийских сооружений Индии, Афганистана и Восточного Туркестана описывались их исследователями именно по такой программе. Среди исследователей Восточного Туркестана и Дуньхуана были такие выдающие ученые, как С.Ф. Ольденбург, А. Грюнведель, А. фон Лекок, П. Пельо, Р. Витфельд и др.; еще более велик перечень исследователей буддийского искусства Индии и Афганистана. В некоторых случаях анализ памятников искусства помог сделать выводы или предположения и о том, к какому направлению или школе буддизма принадлежала соответствующая буддийская община, чьи заказы исполняли скульпторы и художники.⁶⁹ Названные исследователи и многие другие занимались хронологическим (с учетом археологических и эпиграфических данных) и стилистическим

⁶⁹ При попытках сопоставления изложенного в письменных источниках и в устной традиции доктринального ряда буддизма с конкретными изобразительными рядами, конечно, приходится учитывать сложную систему корреляции между ними и отсутствие во многих случаях прямого параллелизма. См. обэтом: *Klimburg-Salter D. Kingdom of Bamiyan.Buddhist Art and Culture of the Hindu Kush.Naples — Rome, 1989. P. 36-38; Taddei M. Oral Narrative, Visual Narrative, Literary Narrative in Ancient Buddhist India // India, Tibet. China. Genesis and Aspects of Traditional Narrative / Ed. A. Cadonna.Florence, 1999. P. 71-85.*

анализом произведений искусства. Очерченная выше ситуация с произведениями среднеазиатского буддийского искусства затрудняет такие исследования по полной программе. Тем не менее, кое-что может быть осуществлено и на основании имеющихся материалов. Так, например, автор этой статьи высказал некоторые соображения по Аджина-тепа, а Т.К. Мкртычев работает в этом направлении по Кувинскому комплексу. Однако это первые и достаточно робкие попытки, развернутого анализа еще не существуют. Что же касается стилистического анализа, то авторы ряда публикаций раскопок буддийских памятников проводили сопоставление с буддийским искусством соседних стран, но и здесь детальный анализ, а тем более обобщающее исследование отсутствуют. Особенно заметно это для памятников кушанского буддизма. Найденный в 1932-1933 гг. айртамский фриз был исследован К.В. Тревер. О нем неоднократно писали Г.А. Пугаченкова и Б.Я. Ставиский.

Наряду с айртамским фризом в Южном Узбекистане были найдены и другие произведения каменной скульптуры и рельефы. Все они ожидают летального анализа и сопоставления с индийскими, особенно гандхарскими, материалами. До сих пор это не делалось вообще или же осуществлялось без серьезного привлечения гандхарских материалов. Так, например, Б.Я. Ставиский в своих определениях стилевых особенностей айртамского фриза неоднократно утверждал, что, несмотря на отчетливые черты индийского влияния, айртамский фриз отнюдь не является чисто гандхарским, главным образом, якобы по той причине, что комбинация акантовых листьев с одной человеческой фигурой редка в гандхарской пластике, а сочетание с группой полуфигур вообще отсутствует. Однако уже за полтора десятка лет до того, как Б.Я. Ставиский сформулировал это заключение, известный итальянский археолог Д.Фачченна уже опубликовал такие произведения гандхарского искусства. Но и другие доводы Б.Я. Стависского (стилистические и технические), в том числе об отличиях в трактовке черт лиц на айртамском фризе и в произведениях гандхарского искусства, на самом деле ошибочны, а

реалии персонажей фриза однотипны гандхарским. А. Инверницци и Ч. Ло Муцио действительно показали не только связь айртамского фриза с гандхарским искусством, но и его место в позднеэллинистическом искусстве Востока.

Взгляды Б.Я. Стависского на айртамское искусство текстуально повторяют заключения К.В. Тревер, сделанные ею в 1940 г., когда материалы по гандхарскому искусству не были широко известны. Отрадно, что в рассматриваемой книге Б.Я. Стависский уже не отстаивает тезис К.В. Тревер о «гандхарском влиянии», а прямо говорит о гандхарском искусстве в Бактрии-Тохаристане.

Нам представляется правильной позиция индийской исследовательницы Л.Неру, которая считает, что «в айртамских фризах и фрагментах рельефов из Фаяз-тепе нашла некое отражение локальная трактовка, но тем не менее их стиль является в основе гандхарским». Она прямо пишет о буддийской гандхарской скульптуре из Термеза, Кара-тепе, Айртма. Можно, собственно, говорить, учитывая и гандхарские памятники Южной Бактрии, о бактрийской школе гандхарского искусства. Необходимо исследовать специфические черты этой школы, ее место в общем потоке гандхарского искусства. Предстоит также изучить важный вопрос о реальной роли бактрийско-эллинистического и бактрийско-римского искусства, открытого благодаря раскопкам на Ай-Ханум и в Храме Окса, в формировании гандхарского искусства — до сих пор исследовался эллинистический и римский вклад лишь в обобщенном виде. Еще более сложно выявление конкретного вклада местного искусства бактрийцев.⁷⁰

В большей степени изучена не каменная (алебастровая, глиняно-алебастровая и глиняная) буддийская бактрийская и

⁷⁰Fussman G. Upaya-kausalya. L'implantation du bouddhisme au Gandhara // Bouddhisme et re'iiproques adaptations. P., 1994. P. 31-32.

тохаристанская скульптура. Особо следует отметить работы Г.А. Пугаченковой, Э.В. Ртвеладзе, Т.К. Мкртычева, а для малой пластики (терракоты) — К. Абдуллаева. Авторы рассматривают скульптуру отдельных комплексов или их частей, но не Бактрии в целом, в их типологическом и стилистическом анализе использован очень ограниченный круг публикаций и исследований по буддийскому искусству.

Столь же актуальна задача научного анализа кушанской буддийской живописи, особенно из Кара-тепе и Фаяз-тепе, выявления ее своеобразия, определение характера отразившегося в ней синкетизма позднеэллинистических, римских, бактрийских и индийских художественных и идеологических традиций. Это безусловно важно также для исследования раннего буддийского искусства Индии и вклада бактрийского искусства в его развитие.

Буддийское искусство в Средней Азии развивалось не в вакууме. К моменту его появления уже на протяжении столетий среднеазиатские скульпторы и художники создавали свои произведения. Позже буддийское искусство стало органической частью среднеазиатской художественной жизни. Особенно ярко это проявилось в Бактрии-Тохаристане, где существовали многочисленные буддийские монастыри, сильнаясангха, работали профессиональные буддисты-художники и скульпторы, в этой иконографии существовали весьма четкие каноны. Изображение второстепенных религиозных персонажей (аскетов, брахманов и др.), особенно мирян, не было строго канонизировано, поэтому художники, следуя в общем первоначальным образцам, в художественный образ могли вносить свои корректизы, а в изображениях мирян передавать местный этнический тип и местные аксессуары. Так, например, живопись буддийского храма Калаи-Кафирнигана с ее яркой колористической гаммой отличается высокими художественными достоинствами. Стилистически она очень близка замечательному циклу небуддийской балалыктепинской живописи, причем сходство прослеживается и в целом, и в ряде существенных деталей.

Иной была ситуация в областях, где буддизм был мало или относительно мало распространен, в частности в Согде, где буддийская иконография была известна слабо. В Пенджикенте была найдена настенная живопись с изображением Майтреи и терракотовая форма для изготовления статуэток сидящего Будды. В обоих случаях изображения далеки от буддийского канона. Как показали Б.И.Маршак и В.И. Распопова, и роспись, и форма были выполнены согдийскими мастерами, которые очень слабо знали буддизм и его иконографию, хотя, вероятно, в Согде существовали и хорошие буддийские прототипы. Известные же изображения представляют взаимодействие согдийских и буддийских традиций.⁷¹

Огромную роль для изучения истории буддизма в Средней Азии имеют, как указывалось, письменные источники: индийские, китайские, тибетские. Их разработкой применительно к этой теме соответствующие специалисты занимаются, как правило, попутно, в связи с решением каких-то других проблем. Репертуар извлеченных из этих источников сведений, поэтому за много десятилетия почти не расширился, хотя лишь незначительная часть этих источников рассматривалась с этой точки зрения. Но и здесь есть положительные сдвиги: Н.В. Александрова (Институт востоковедения РАН) осуществляет перевод на русский язык записок Сюаньцзана (они впервые были переведены на русский язык еще В.П. Васильевым в 1845 г., но 600 страниц перевода остались неопубликованными). Буддийские источники из Восточного Туркестана планомерно издают Г.М. Бонгард-Левин и М.И. Воробьева-Десятовская. Особое значение имеют публикация и исследование происходящих из самой Средней Азии буддийских рукописей и эпиграфических материалов. Этим занимались и занимаются выдающиеся филологи и лингвисты В.В. Верноградова, М.И.

Marshak B.I., Raspopova V.I. Buddhist Icon from Panjikent // Silk Road Art and Archeology. 5. Kamakara, 1997/98. См. также Abdullaev K. Une image Bouddhique decouverte a Samarkand // ArAs. 2000. Т. 55.Р. 173-176.

Воробьева-Десятовская, Т.В. Грек, В.А. Лившиц, Я. Харматта, Е. фон Хинюбер, Ж. Фуссман и др. Анализируя надписи, В.В. Вертоградова и М.И. Воробьева-Десятовская использовали их для характеристики жизни монастырей, отношения буддистов и мирян, более детальной, чем это позволяли сообщения китайских пилигримов, а также для характеристики доктринальной истории среднеазиатского буддизма. Эти проблемы нашли глубокое освещение в фундаментальных трудах В.В. Вертоградовой и М.И. Воробьевой-Десятовской.

Говоря об истории буддизма, В.Н. Топоров отмечал, что было бы неправильно «ограничиваться лишь указанием основных направлений в развитии буддизма как религии и не упомянуть о значительных достижениях в области неаристотелевой логики, по-настоящему понятой и оцененной лишь в XX в., психологии, философии, литературы и истории». Для Средней Азии буддизм, кроме того, являлся своеобразным «мостиком» к индийской культуре в целом. С распространением буддизма резко усилился культурный взаимообмен Средней Азии и Индии.

Наконец, наследие буддизма прослеживается и в мусульманской Средней Азии.⁷² Имя Будды не было забыто. В иранской и таджикской поэзии сохранилось слово «бут» (Будда) с X в. и до наших дней оно обозначает «идол» и «красавица», «возлюбленная». Потомки буддийских священнослужителей занимали высшие посты в халифате. По мнению ряда ученых, на идеологию и практику раннего суфизма буддизм оказал серьезное влияние. Высшие исламские учебные заведения — медресе возникли в X в. именно в Средней Азии и, по-видимому, были генетически связаны с буддийскими монастырями. Следы буддийского влияния прослеживаются в

⁷² Подробнее об этом см. Litvinsky. Outline History... С. 69-74.

литературе, искусстве, художественном ремесле мусульманской Средней Азии, Ирана, Афганистана.⁷³

⁷³ *Gimaret D.* Bouddhaet les bouddhistes dans la tradition musulmane // JA. 1969. V. 257. № 3. 1970. V. 257, № 4; *Литвинский, Зеймаль.* Аджина-тепе... С. 54-56, 129-133; *Melikian-Chirvani A.S.* The Buddhist Heritage in the Art of Iran // Mahayana Art after A.D. 900 / Ed. W. Watson. L., 1972 (Colloques on Art and Archeology in Asia.II); *Idem.* L'evocation littéraire du bouddhisme dans l'Iran musulman // Le monde Iranian et l'Islam. Geneve — Paris, 1974. *idem.* Buddhism in Islamic Times // Encyclopaedia Iranica. V. IV. Fasc. 5.L. — N.Y., 1990; *Scott D. A.* The Iranian Face of Buddhism // EW. 1990, 40/1-4.

Заключение:

Таким образом, данные из самых различных источников свидетельствуют о том, что Средняя Азия и Восточный Туркестан с древнейших времен развивались в едином этно-культурном пространстве. Причем взаимодействие оседлых и кочевых народов создало здесь, если можно так сказать, "открытый тип цивилизации, способную осуществлять отбор явлений, элементов из самых различных сфер жизнедеятельности и синтезировать их, создавая взаимозависимые и в то же время гибкие связи.

Взаимодействие самых различных факторов, от идеологии до материальной базы, привела к созданию в Центральной Азии архитектурных форм, наиболее универсальных, отличающихся высокой степенью конструктивности. Эти формы и явились основой, объединившей различные религии, государственно-политические образования, виды зодчества, создавшей архитектурные традиции.

К сожалению, изученность архитектуры Восточного Туркестана, периода раннего средневековья не отвечает современным требованиям, очень часто интерпретировать материал можно только не выходя за рамки догадок и предположений. Не разработана еще периодизация развития зодчества региона. Как правило, исследователи используют здесь или политический критерий завоевание восточнотуркестанских княжеств китайскими Танами и т. д., или же искусствоведческий анализ стилевых особенностей росписи, скульптуры и др.

На наш взгляд, в историю раннесредневекового зодчества Восточного Туркестана выделяются два периода от I- III вв, до V-VI и от V-VI вв. до X-XI. Для первого характерным является использование в архитектуре таких средств, как круглые в плане сооружения возведения ступ без барабана, отсутствие в некоторых случаях в святилищах обходных коридоров, использование квадратного кирпича, "антика" в стиле росписи и др. Для второго присущее большее разнообразие форм стилей. Это однако не означает, что регион в это время утратил связи со среднеазиатским

зодчеством, и здесь начинало доминировать влияние каких-либо других цивилизаций, бытовавших и бытующих по сей день.

Другим " фактором изначальной доминанты центрально-азиатского влияния служат здесь наличие манихейских и несторианских храмов, некоторые из них были перестроены в буддийские уже в более позднее время, с приходом китайцев, которые в свою очередь, заимствовали буддизм в других областях.

Вообще, на наш взгляд, для периода раннего средневековья, особенно в области архитектуры, не корректны узко территориальные и стильные подходы и критерии при попытках создания сколь-либо типологических схем. Подобная методика оправдана при анализе более поздних периодов, когда различные стили, школы, особенности выступали в более оформленном и последовательном виде.

Более плодотворен анализ отдельных сохранившихся монументальных комплексов, изучение основных их элементов. Необходимо отметить, что и здесь материалы археологических исследований дают достаточную фрагментарную картину, подчас не поддающуюся обобщению. Но на этом уровне все же более определено и последовательно просматриваются различные типологические структуры, в общем соотносимые с планами городищ в целом.

Здесь можно выделить три типа храмовых комплексов. Во-первых, это тип "турфанских монастырей", которые в плане представляют собой замкнутый двор прямоугольной формы, чаще ближе к квадрату, с располагаемыми по трем сторонам жилыми и служебными помещениями. Культовая часть располагалась, как правило, в центре или в глубине двора,

Во-вторых, в Тариме был достаточно распространен, условно говоря, северо-индийский тип, характерными особенностями которого являлись достаточно свободный план, однообразные жилые и служебные комнаты, заключенные во дворе, чаще прямоугольной формы и культовая часть, расположенная отдельно от двора.

В-третьих, монастырские комплексы, в которых культовая часть играла центральнообразующую роль, где вокруг единого центра располагались последовательно возводимые ансамбли со своими дворами и строениями, относительно независимые и изолированные, Этот тип условно можно назвать "среднеазиатскими".

И, наконец, большой интерес для исследования представляют отдельные элементы монастырских комплексов, в частности, их культовая часть, Здесь можно выделить святилище, чайтыи, ступы. Какой бы сохранности ни был памятник, устройство планов этих элементов хорошо различимо. Как правило, реконструируются и другие архитектурные особенности этих памятников.

В Восточном Туркестане можно выделить три основных типа святилищ. Первое - это маленькие целлы, квадратные или прямоугольные в плане, с пристроенной к фасаду террасой и портиком. Скорее всего все эти целлы были покрыты сводом.

Второй тип превалирует в пещерных храмах городищ, но достаточно распространен и среди наземных святилищ. Главное и божество здесь располагалось в центре стены напротив входа, за этой стеной находилось узкое сводчатое помещение, декорированное росписью и рельефным штуком, Система проходов, соединенных между собой, позволяла совершать круговое движение вокруг изображения главного божества.

Третий, самый распространенный тип святилищ, представляет собой квадратную в плане целлу с пристроенной передней и окруженную с трех сторон коридорами, которые сообщаясь с передней, служили для кругового движения.

Различные типы и разновидности ступ, получившие распространение в культовых сооружениях Восточного Туркестана уже достаточно описаны в работах исследователей, Здесь обращает на себя внимание, прежде всего эволюция форм этих памятников, Во-первых, изначально круглые в плане основания ступ, постепенно сменяются на квадратные, Во-вторых,

появляются высокие постаменты, завышенные барабаны. Эти изменения, по мнению многих исследователей, вызваны влиянием китайских башен.

Что же касается первой особенности, то подобная эволюция просматривается в архитектуре среднеазиатских памятников, в частности, Фаяз-тепе, что естественно нельзя объяснить китайским влиянием. Более уместным представляется интерпретировать эти явления в русле развития архитектурных тенденций всего центральноазиатского региона. На наш взгляд, вряд ли правильно, касаясь вопросов типологии, говорить о собственно буддийской архитектуре, мы здесь имеем дело с архитектурой буддийских храмовых сооружений, самим же архитектурные идеи, принципы, формы их воплощения могут быть соотнесены и с другими культурами, распространенными в Центральной Азии в период раннего средневековья,

История среднеазиатской архитектуры дает гораздо больше аналогий, утверждающих изначальное тождество идей, принципов и форм в развитии зодчества Средней Азии и Восточного Туркестана.

Что касается генезиса самой архитектурной идеи, форм ее воплощения, то буддизм использовал уже найденные ранее и получившие самое широкое распространение. Еще в большей мере соотносимые с центральноазиатскими традициями другие элементы буддийского храмового зодчества.

Таким образом, культурные связи Средней Азии и Восточного Туркестана носят комплексный характер и требуют комплексного же рассмотрения как по хронологической "вертикали", определяющей общие закономерности развития различных культур, восходящих к общечеловеческим, гуманистическим основам, так и по "горизонтали", вскрывающей многообразие стилей, принципов, методов воплощения основных идей конкретно-исторических периодов развития человечества.

Список использованной литературы.

1. Труды Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова и официальные документы

- 1.1 Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Т.:Узбекистан. 1997.
- 1.2 Каримов И.А. Свое будущее мы строим своими руками. Т., Узбекистан. 1999.

2. Общая литература

- 2.1. Васильев Л, С, История религии Востока, М., 1983,
- 2.2. Веймарн Б. В. Искусство Арабских стран и Ирана. М., 1974,
- 2.3. Воронина В. Л, Древняя строительная техника Средней Азии, АН, № 3, 1953.
- 2.4. Воронина В, Л. Архитектура Древнего Пянджикента. МИА СССР, № 37, 1953; № 66, 1958; № 124, 1964.
- 2.5. Воронина В. Л, Доисламские культовые сооружение Средней Азии. СА, № 2, 1960.
- 2.6. Гамгелидэ Г. В., Иванов В, В, Миграция племен-носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке. Исторические места их обитания в Евразии, ВДИ, № 2, 1981,
- 2.7. Гафуров Б. Г, Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, т, I, Душанбе, 1989,
- 2.8. Гертман А.Н. Строительная техника Древнего Хорезма, АКД, М., 1989.

- 2.9. Григорьев В. В, Дополнение. Карл Риттер. Землевладение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан, СПб, 1873,
- 2.10. Глухарева О. Н., Денике Б, П, Краткая история искусства Китая: М-Л:, 1948:
- 2.11. Долгий В. М., Лебинсон В. Ф. Архаическая культура и город. ВФ, № 7, 1971.
- 2.12. Дьяконов М, М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии, Живопись Пенджикента, М., 1954.
- 2.13. Засыпкин В, И, Своды в архитектуре Узбекистана, АН, № 3, 1961,
- 2.14. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964,
- 2.15. Кляшторный С. Г., Колесников А, А. Восточный Туркестан русских путешественников (П-я пол, XIX в.). Алма-Ата, 1988,
- 2.16. Козлов П. К. Русский путешественник в Центральной Азии. М. . 1963.
- 2.17. Киселев С. В. Находки античных и византийских монет на Алтае, ВДИ, № 3-4, 1940.
- 2.18. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- 2.19. Кошеленко Г. А. Культура Парфии, м., 1966.
- 2.20. Кошеленко Г, А., Пилипко В. Н. Исследование Парфянского святилища в окрестностях Нисы: Алхабад, 1968=
- 2.21. Крюков М. В., Малявин В. В., Софонов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
- 2.22. Крюков М. В., Переломов Л. С., Софонов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй, М., 1983.
- 2.23. Кучера С. Ранняя история Синьцяна, Неолит, начало века металла. Восточный Туркестан и Средняя Азия, История и культура, связи, М., 1984,-17640, КызласовП, Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. ТКАЭЭ, т, II, 1955,

- 2.24. Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточно-иранских народов в 1-й пол. I тыс. до н. э. История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
- 2.25. Лившиц В. А., Храмов А, Л, Согдийский язык, Основы иранского языкоznания. М., 1981.
- 2.26. Литвинский Б. А. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. Международный конгресс востоковедов. Советская делегация. М., 1960.
- 2.27. Литвинский Б. А, Аджина-тепе. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971,
- 2.28. Литвинский Б. А. Древние кочевники "Крыша мира". М., 1972.
- 2.29. Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город (местные и иноземные модели). Древний Восток. Город и торговля. (III-IV вв. до н. э.), Ереван, 1973.
- 2.30. Литвинский Б. А, Проблема этнической истории Средней Азии во II тыс. до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы). Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
- 2.31. Литвинский Б, А, Труды Альберта фон Лекока по древней культуре Восточного Туркестана. ННА, № 4, 1981.
- 2.32. Литвинский Б, А. Изучение древней истории и культуры Восточного Туркестана в отечественной и зарубежной науке. ННА, № 1, 1982,-17750, Питвинский Б. А, Древняя этнокультурная общность Восточного Туркестана и Средней Азии. ННА, № 6, 1983,
- 2.33. Литвинский Б. А. Буддийский храм Калаи-Кафарниган Южный Таджикистан) и проблемы истории и культуры Центральной Азии. Центральная Азия. И., 1983,
- 2.34. Литвинский Б, А, Буддизм и среднесуисткая цивилизация, Индийская культура и буддизм. И., 1972.

- 2.35. Литвинский Б. А. Исторические судьбы Восточного Туркестана Средней Азии (проблемы этнокультурной общности). Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984.1.
Пичитн .1Л.Р
- 2.36. Литвинский Б. А. Пещерная культовая архитектура в Восточном Туркестане,- Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культуры древнего и средневекового Востока. М., 1986,
- 2.37. Литвинский Б. А, Древнее и раннесредневековое архитектурно-строительное дело в Восточном Туркестане (в свете археологических открытий в Средней Азии). Центральная Азия. М.(1987.
- 2.38. Литвинский Б. А., Седов А. Торай-шах. Культура и связь-кушанской Бактрии. М,, 1983.
- 2.39. Малявин А, Г; Уйгурское государство в IX-XII вв. Новосибирск, 1983.
- 2.40. Массон М, Е. К изучению прошлого Старого Мерва. Труды ЮТАКЭ, т, 14, Ашхабад, 1963,
- 2.41. Пугаченкова Г, А, Древняя Бактрия, Материалы советско-афганской экспедиции 1969-1973 гг, М,, 1976.

3. Материалы Интернет-ресурсы

- 3.1. www.vostochniyturkestan.ru.
- 3.2. www.google.ru
- 3.3. www.wikipedia.ru.
- 3.4 [yandex/ru](http://yandex.ru)
- 3.5 www.budda.com

Приложение

4.1. Карта: распространение буддизма в Центральной Азии

